This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 1455.235

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Asiate. Die russischen Spitzel in Deutschland.

Азіатъ.

Русскіе шпіоны въ Германіи.

I.

Интерпелляція о русскихъ полицейскихъ шпіонахъ въ засѣданіи германскаго рейхстага отъ 19 января 1904 г.

Берлинъ

Изданіе Ф. ГОТТГЕЙНЕРА, Берлинъ-Шарлоттенбургъ 2.

FRIEDR. GOTTHEINER's Verlag, Berlin-Charlottenburg 2.

1904.

Типографія Левента (С. Сиднеръ)
Берлинъ SW. 68, Линденштрассе 93.

Asiate. Die russischen Spitzel in Deutschland.

Азіатъ.

Русскіе шпіоны въ Германіи.

I.

Интерпелляція о русскихъ полицейскихъ шпіонахъ въ засѣданіи германскаго рейхстага отъ 19 января 1904 г.

Берлинъ

Изданіе Ф. ГОТТГЕЙНЕРА, Берлинъ-Шарлоттенбургъ 2.

FRIEDRICH GOTTHEINER's Verlag, Berlin-Charlottenburg 2.

1904.

Slav 1455.235

Введеніе.

Правовое государство — таковъ былъ девизъ всего новаго европейскаго освободительнаго движенія; свобода личности и ея неприкосновенность; народное представительство въ дѣлѣ законодательства и государственнаго хозяйства; политическій контроль и юридическая отвѣтственность въ области управленія; демократически организованное и самостоятельное въ предѣлахъ своего вѣдомства самоуправленіе; наконецъ независимый и несмѣняемый судъ не только для гражданскаго и уголовнаго, но и государственнаго права — таковы основныя требованія „правового“ строя, и во имя этихъ началъ „обще-государственнаго“ или „общеконституціоннаго“ права лилась кровь гражданъ на улицахъ Берлина и баррикадахъ Дрездена, шли въ тюрьмы и эмиграцію нѣмецкіе профессора и студенты, гибли на поляхъ Бадена революціонныя арміи германской демократіи.

И несмотря на всю тяжесть борьбы разбитаго на десятки отдѣльныхъ центровъ движенія, несмотря на весь гнетъ прусско-юнкерскаго броненоснаго кулака, нѣмецкое бюргерство пронесло таки на своихъ плечахъ бо́льшую часть своихъ требо-

ваній и сначала создало полу-конституціонную Пруссію, а затѣмъ и конституціонную Германію. И значительная часть требованій правового строя была и на самомъ дѣлѣ воплощена. Свободная печать внесла свѣтъ и гласность во всѣ уголки общественной жизни. Свободная наука сдѣлала Германію центромъ умственной жизни Европы. Свободная церковь создала новыя нравственныя и религіозныя движенія и обратилась къ соціальному вопросу . . . Новые представительные порядки не остались безъ глубокаго вліянія на страну. Они воспитали къ политическому сознанію широкія народныя массы, дали свободный просторъ общественной самодѣятельности, подняли на небывалую высоту хозяйственное развитіе населенія и выдвинули Германію на одно изъ первыхъ мѣстъ современной промышленной Европы. Внѣшнее могущество тоже не заставило себя ждать. Объединенная правовымъ строемъ Германія бросила свой мечъ на вѣсы международнаго мира и заставила прислушиваться къ своему голосу и въ Африкѣ и въ Азіи и въ далекой Америкѣ. Такъ свободная личность энергичнаго и сознательнаго гражданина замѣнила собою пассивныя массы невѣжественнаго и бѣднаго населенія и подъ всеобщей и равной защитой суда и права развернула такую дѣятельность, которую и въ теченіе тысячелѣтій не могли бы создать свыше опекаемое и угнетаемое человѣческое стадо!

Но мощный подъемъ капиталистическаго хозяйства доказалъ слишкомъ рано, что правовое государство въ Германіи далеко еще не было завершено въ своемъ развитіи. Новый процессъ соціальной и классовой борьбы, бросившійся въ

его правовое и политическое русло, обнаружилъ массу уродствъ и пробѣловъ въ представительномъ и конституціонномъ организмѣ.

Индивидуальная свобода въ области экономической дѣятельности, сочетавшись съ унаслѣдованнымъ порядкомъ частной собственности, дала сразу громадное преимущество капиталу въ его борьбѣ съ трудомъ и привела къ новому закрѣпощенію капиталу широкихъ народныхъ массъ. Недостаточно развитое и еще менѣе защищенное право коалиціи или соединеній послужило серьознымъ препятствіемъ для основанія рабочихъ и профессіональныхъ организацій. И если предпринимательскія картели и трѣсты дали пышный цвѣтъ на тучной почвѣ новаго государства, то именно рабочія соединенія подверглись тяжелому гнету организованной на старый фасонъ полиціи. Печать стала жертвой безконечнаго ряда процессовъ объ оскорбленіи величества и, хотя въ несравненно болѣе легкой степени, чѣмъ прежде, платилась за служеніе правдѣ тюремнымъ заключеніемъ своихъ редакторовъ.

Но и „царство закона“, столь характеризующее правовой порядокъ, далеко не достигло въ Германіи необходимой высоты и силы. Привилегированное юнкерство удержало и при новыхъ порядкахъ свое исключительное положеніе. Оно превратило офицерскій корпусъ, придворныя должности и высшія мѣста бюрократіи въ чисто-дворянское достояніе и при помощи мѣръ давленія ввело въ рейхстагъ многочисленныхъ представителей самой мрачной реакціи. Духовенство, сохранившее громадное государственное вліяніе въ обществѣ и школѣ, явилось ожесточеннымъ вра-

гомъ свободной науки и просвѣщенія и эксплоатировало свое оффиціальное положеніе для цѣли конфессіональнаго фанатизма. Наконецъ, само бюргерство подверглось процессу полнаго разложенія. Наиболѣе могущественная часть его поднялась на верхи капиталистическаго общества и открыто присоединилась къ реакціи. Среднее и мелкое бюргерство, включая и такъ называемую интеллигенцію, отказалось отъ прежнихъ освободительныхъ стремленій и занялось преимущественно дѣломъ хозяйственнаго пріобрѣтенія. Крестьянство осталось въ сѣтяхъ юнкерской и церковной реакціи и только на югѣ дало полу-демократическое, полу-буржуазное теченіе. И только одни широкіе круги городскаго и сельскаго пролетаріата, рабочій трудящійся людъ, сохранили свою вѣрность старой освободительной идеѣ и отдали милліоны своихъ голосовъ нѣмецкой соціалъ-демократіи.

Совершенно естественнымъ оказалось при такихъ условіяхъ, что нѣмецкое недодѣланное и недоконченное „правовое государство“ стало скоро давать многочисленныя и серьозныя трещины. Исключительные законы о католическомъ духовенствѣ были первымъ опытомъ въ этомъ отношеніи. За ними послѣдовали еще болѣе ужасные законы о соціалистахъ. Благодаря всѣмъ этимъ узаконеніямъ сотни тысячъ мирныхъ гражданъ однимъ взмахомъ пера были поставлены внѣ права и закона и отданы на полный произволъ администраціи. И это только за то, что они думали и вѣрили иначе, чѣмъ большинство юнкерскихъ и бюргерскихъ классовъ. И если новая имперія запятнала себя и религіозными и классовыми преслѣдованіями, то не было недостатка и въ націо-

нальныхъ: имперское управленіе въ Эльзасѣ и Лотарингіи и прусское въ польскихъ и датскихъ провинціяхъ на долго оставитъ по себѣ память!

Болѣе всего, однако, повело къ крушенію правового строя въ Германіи то обстоятельство, что здѣсь во главѣ государства оказались именно тѣ группы и классы, которые наиболѣе были заинтересованы въ соціальной борьбѣ съ пролетаріатомъ. Искуственно снабженныя властью тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ они представляютъ собою незначительное меньшинство населенія, приподнятыя благодаря привилегіямъ надъ уровнемъ равной и справедливой экономической борьбы, эти властвующія группы совершенно естественно прибѣгли къ эксплоатаціи государственной власти въ своихъ интересахъ тамъ, гдѣ своихъ силъ не хватало. Государственное управленіе, законодательство и даже, что печальнѣе всего, судъ стали жертвой, а вмѣстѣ и орудіемъ въ рукахъ господствующаго меньшинства для угнетенія и эксплоатаціи большинства. И само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ принципы и нормы правового государства въ особенности мѣшали такому осуществленію узкоэгоистическаго классового господства юнкерства и бюргеровъ, тамъ были сдѣланы и особенно рѣшительныя попытки къ тому, чтобы обойти или по крайней мѣрѣ ослабить и умалить ихъ дѣйствіе. Насильственное и непарламентское измѣненіе порядка дѣлопроизводства рейхстага въ прошломъ году, незаконная кассація соціалъ-демократическихъ выборовъ въ нынѣшнемъ, противное обычаямъ устраненіе членовъ этой фракціи изъ бюро палаты — все это мѣры, при помощи которыхъ бюргерское большинство угнетаетъ и душитъ вто-

рую по величинѣ рабочую партію. Но тяжелѣе всего на трудящихся массахъ народа отражается та новая судебная практика, которая получила характерное названіе классовой юстиціи. Она состоитъ въ томъ, что многіе нѣмецкіе судьи, отчасти подъ вліяніемъ внушеній свыше, отчасти изъ классовой вражды къ непокорному пролетаріату, злоупотребляютъ правомъ своего судейскаго усмотрѣнія и караютъ организованныхъ рабочихъ за мельчайшіе проступки двойною мѣрой въ то время, какъ ихъ противники выходятъ изъ суда или совсѣмъ оправданнымн, или отдѣлываются отъ суда самыми легкими наказаніями за несравненно худшія вещи. Особенно здѣсь нужно отмѣтить дѣла о нарушеніи 153 § промышл. устава, параграфовъ о безпорядкѣ, о вымогательствѣ и т. п. Говорить нечего, конечно, что полиція и администрація, которая отчасти находится въ рукахъ „самоуправляющагося“ бюргерства, переходитъ при благосклонномъ попустительствѣ начальства всѣ границы полицейскаго усмотрѣнія для того, чтобы какъ можно болѣе досадить и напортить партіи демократіи и свободы. Всевозможныя лишенія разрѣшеній или концессій, закрытіе ферейновъ и собраній, стѣсненіе свободы передвиженія, высылки изъ опредѣленныхъ мѣстностей, цитированія и штрафы по самымъ мелочнымъ поводамъ, даже подчасъ неосновательные обыски и аресты — все это примѣняется съ удивительнымъ упорствомъ и послѣдовательностью съ цѣлю сломить могучаго врага современныхъ буржуазныхъ порядковъ и связанной съ ними реакціи.

Такова борьба современнаго нѣмецкаго правительства и бюргерскаго общества противъ на-

родной партіи внутри страны. Но эта борьба ведется и внѣ страны на международной почвѣ. У нѣмецкой соціалъ-демократіи есть и за-границей союзники; въ каждой европейской странѣ имѣются многочисленные соціалисты и демократы, которые у себя дома ведутъ такую-же борьбу противъ бюргерской реакціи, какъ и соціалъ-демократы Германіи. И если реакція стала общеевропейской, то такой-же международный характеръ приняло и освободительное движеніе. Успѣхи реакціи или соціализма въ одной странѣ поэтому неизбѣжно отражаются на другой. И тамъ, гдѣ всего ожесточеннѣе ведется въ настоящее время борьба между этими двумя міровыми теченіями, оттуда, естественно можно ожидать — въ случаѣ побѣды одного изъ нихъ — и наиболѣе сильнаго толчка въ пользу той или другой силы и на всемъ континентѣ.

Такъ разбросанныя по всему континенту враждебныя партіи тѣмъ не менѣе въ одномъ мѣстѣ развиваютъ наиболѣе интенсивную дѣятельность. И отъ исхода борьбы здѣсь зависитъ исходъ ея и въ другихъ государствахъ. И такимъ мѣстомъ для рѣшительной битвы между реакціей и свободой и является въ настоящее время Россія.

И въ самомъ дѣлѣ. Ни въ одной изъ странъ Европы не сложились обстоятельства такъ благопріятно для крайняго обостренія политической борьбы, какъ именно здѣсь. Съ одной стороны нигдѣ абсолютный режимъ не достигалъ такой страшной силы развитія и такихъ размѣровъ, какъ здѣсь. Опираясь на подавляющія массы невѣжественнаго крестьянства, поработивъ себѣ единственную духовную силу націи-церковь, скрываясь за организованной на европейскій манеръ многомил-

ліонной арміей и великолѣпно-вышколенной бюрократіей, русскій абсолютизмъ сумѣлъ усвоить себѣ всѣ внѣшнія усовершенствованія европейской культуры и техники и обратить ихъ противъ своего врага, русскаго освободительнаго движенія. Не стѣсняемый ни правомъ, такъ-какъ онъ самъ создаетъ и уничтожаетъ право, ни закономъ, который онъ самъ выдѣлываетъ, ни отвѣтственностью или контролемъ, такъ-какъ всѣ эти вещи за отсутствіемъ народнаго представительства и свободной печати въ Россіи не существуютъ, русскій абсолютизмъ могъ развить и развилъ такую систему гнета и полицейскихъ преслѣдованій, которой не знала западная Европа въ самыя тяжелыя времена бѣлаго или краснаго террора. Грандіозная система шпіонажа и предательства, пронизывающая всѣ поры общественнаго организма. Цѣлыя арміи вооруженныхъ жандармовъ и развращеннаго казачества. Особыя мѣстныя стражи конной полиціи и полицейскихъ казаковъ, подкрѣпляемыя въ случаѣ надобности солдатскими штыками. Снабженная полной безотвѣтственностью и неограниченными полномочіями администрація, соединяющая въ себѣ и обвинителя и судью и палача. Система ссылки въ зараженныя эпидеміей или совершенно пустынныя мѣстности полярной Сибири. Цѣлый рядъ новыхъ бастилій въ родѣ Шлиссельбурга или петропавловской крѣпости. Смертная казнь примѣняемая смотря по желанію или удобству. Массовыя истязанія, а порою и пытки, массовые погромы и запарываніе — все это стоитъ въ полномъ распоряженіи русскаго самодержавія, которое не знаетъ надъ собой ни Бога, ни нравственности, ни права, ни закона.

Исторія знаетъ, конечно, не одинъ примѣръ

террористическихъ правительствъ. На ея страницахъ записаны и ужасы послѣднихъ Бурбоновъ во Франціи, и революціонныя неистовства Маратовъ и Робеспьеровъ; она знаетъ и мрачныя эпохи общеевропейской реакціи и священный режимъ Меттерниха. Передъ ея судомъ прошли и Наполеоны и Фуше, и Фридрихи Вильгельмы IV и генерали Мантейфели, но ничего подобнаго современному русскому режиму исторія не знаетъ. Нужны были совершенно исключительныя условія, чтобы превратить въ террористическую банду правительство великаго народа, чтобы создать изъ громадной имперіи сплошную тюрьму для всякаго сознательнаго и свободнаго духа, чтобы покрыть цѣлой сѣтью погромовъ, предательствъ, преслѣдованій, убійствъ и истязаній всѣ области великой сѣверной державы.

И еще въ одномъ отношеніи русскій правительственный терроръ является исключительнымъ явленіемъ. Его ужасныя дѣянія имѣютъ на западѣ многочисленныхъ, вліятельныхъ и просвѣщенныхъ соучастниковъ и укрывателей. Западная Европа въ лицѣ своихъ правительствъ и властвующихъ буржуазныхъ слоевъ не только умышленно не замѣчаетъ всѣхъ ужасовъ, происходящихъ на сѣверо-востокѣ, но и прямо способствуетъ имъ. Среди европейской буржуазіи теперь отлично понимаютъ, что въ Россіи освободительное движеніе опирается не столько на средне-бюргерскіе элементы, сколько на широкіе круги соціалистически настроенныхъ массъ. Слѣдовательно проигрышъ абсолютизма въ Россіи равняется выигришу общаго соціалистическаго движенія не въ одной только Россіи, но и Европѣ. Такъ обагренный кровью русскій правительственный терроръ оказался своего

рода защитой и опорой обще-европейской реакціи противъ надвигающейся грозы международной соціалъ-демократіи. Такъ западно-европейскія „либеральныя“ правительства и партіи пришли къ рѣшенію активно помочь русскому правительству и его полиціи въ ихъ охотѣ за всѣми врагами русскаго государственнаго строя.

Получилась совершенно невѣроятная и тѣмъ не менѣе совершенно соотвѣтственная дѣйствительности картина. Конституціонныя правительства Европы, даже республиканской Франціи заключили союзъ съ абсолютной Россіей для преслѣдованія всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые такъ думаютъ, чувствуютъ и поступаютъ, какъ милліоны незапятнанныхъ и честныхъ западно-европейскихъ гражданъ. И для преслѣдованія этихъ русскихъ бойцовъ за блага общеевропейской культуры правительства запада не постыдились оффиціально допустить на свою территорію тѣхъ самыхъ русскихъ шпіоновъ и провокаторовъ, которыхъ гнусное ремесло они сами считаютъ униженіемъ для всякаго честнаго человѣка. Мало того, эти правительства сами соблазнились ролью русскихъ предателей и жандармовъ и сами на себя приняли роль доносчиковъ на русскихъ и своихъ подданныхъ передъ русскимъ правительствомъ, роль сыщиковъ и провонаторовъ въ его интересахъ.

Высокій историческій и культурный интересъ представляетъ собою поэтому тѣ недавніе дебаты въ германскихъ законодательныхъ палатахъ, во время которыхъ нѣмецкая соціалъ-демократія приподняла безтрепетной рукой завѣсу надъ жандармскими подвигами нѣмецкаго, а въ частности прусскаго правительства. Прослѣдимъ эти замѣчательные дебаты въ ихъ хронологическомъ порядкѣ.

I.

Засѣданіе германскаго рейхстага 19 января 1904 года.

(Reichstag. 14. Sitzung am 19. Januar 1904. 11. Legisl.-Per. I. Session 1903|1904. Stenographischer Bericht.)

Послѣ предварительныхъ разоблаченій изъ дѣятельности прусскаго правительства въ газетѣ „Vorwärts“ членами рейхстага Ауеромъ и товарищами на обсужденіе палаты была внесена слѣдующая интерпелляція по адресу нѣмецкаго рейхсканцлера:

Извѣстно-ли господину имперскому канцлеру, что русское правительство содержитъ въ германской имперской области полицейскихъ агентовъ для наблюденія за русскими и германскими подданными; что для этой цѣли русскіе полицейскіе агенты совершали преступленія и дѣлали попытки и другихъ подвинуть на преступленіе?

Что предполагаетъ предпринять г. имперскій канцлеръ, чтобы устранить это состояніе?

Къ г. имперскому канцлеру обращается далѣе просьба о разъясненіи по слѣдующимъ вопросамъ:

Какъ это случилось, что въ Кёнигсбергѣ было начато производство слѣдствія противъ имперскихъ

подданныхъ вслѣдствіе ихъ якобы соучастія въ дѣлѣ измѣны противъ русской имперіи и оскорбленія русскаго императора прежде, чѣмъ послѣдовало обусловливающее неказуемость требованіе русскаго правительства о преданіи ихъ суду? По чьему почину и какимъ путемъ было побуждено русское правительство къ предъявленію этого требованія?

Такова интерпелляція, заставившая германское правительство открыто признать его дружественныя услуги русскому абсолютизму и ставшая предметомъ засѣданія 19 января, знаменитаго отнынѣ въ исторіи нѣмецкой культуры.

Послѣ выраженія готовности со стороны замѣнявшаго канцлера штатсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ барона Рихтгофена отвѣчать на интерпелляцію, депутатъ Гаазе (Кёнигсбергъ) слѣдующимъ образомъ обосновалъ ее:

„ . . . Доказано и это можетъ быть во всякое время подтверждено свидѣтелями, что для Берлина и окрестностей на службѣ русскаго правительства находится цѣлый штабъ шпіоновъ. Во главѣ этой русской полиціи стоитъ одинъ инженеръ съ годовымъ содержаніемъ въ 36000 марокъ. Такъ-какъ имя этого инженера, этого начальника неоффиціальной русской полиціи не было обнародовано въ „Vorwärts“, то нѣкоторыя изъ бюргерскихъ газетъ считали возможнымъ усумниться въ существованіи этого человѣка. Я желалъ-бы вслѣдствіе этого, чтобы устранить эти сомнѣнія, назвать Вамъ и этого начальника: его зовутъ Гартингъ и онъ и есть тотъ самый, котораго его подчиненные называютъ „превосходительствомъ“. Ему въ помощь стоитъ одинъ „графъ“ — какъ его титулу-

ютъ —, называемый Михелемъ, съ содержаніемъ въ 7200 марокъ, а подъ его начальствомъ опять таки работаетъ цѣлый рядъ помощниковъ, а между ними нѣкій господинъ Вольцъ, называемый Ганзеномъ, съ мѣсячнымъ содержаніемъ въ 175 мар., нѣкій Нейгаусъ, называемый Зельтманомъ, съ ежемѣсячнымъ содержаніемъ въ 150 мар., а еще нѣкій Шлиперъ, съ содержаніемъ въ 125 мар. ежемѣсячно."

„Согласно одному заявленію, которое сдѣлалъ здѣсь г. штатсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, баронъ ф. Рихтгофенъ, 19 марта 1903 г., слѣдуетъ, конечно, признать, что русское полицейское хозяйничанье у насъ расширилось съ согласія нѣмецкаго правительства. Онъ сказалъ тогда: „русское правительство дало здѣсь понять о своемъ желаніи, что бы ему дана была возможность получать свѣдѣнія относительно дѣйствій и происковъ русскихъ анархистовъ въ Германіи, и мы съ охотою разрѣшили, чтобы оно здѣсь получало требуемыя свѣдѣнія."

„Анархисты здѣсь только предлогъ. (Совершенно вѣрно! — у соціалъ-демократовъ.) Мы, въ Германіи, къ счастью, находимся въ такомъ положеніи, что мы совершенно не знаемъ анархистовъ, которые занимались-бы пропагандой дѣла. Главнымъ образомъ, благодаря просвѣтительной работѣ соціалъ-демократіи анархизмъ не можетъ у насъ пріобрѣсти никакой почвы. Относительноже того, кто является анархистомъ, рѣшаетъ, согласно словамъ, сказаннымъ тогда г. штатсъ-секретаремъ, русская практика. Ну, а анархистомъ или также нигилистомъ — по словоупотребленію русскихъ полицейскихъ сыщиковъ — является вся-

кій, кто только стремится къ измѣненію существующихъ условій въ Россіи, всякій, кто бичуетъ жестокости, совершаемыя подъ кровомъ деспотическаго режима, да, даже всякій, кто не лобызаетъ добровольно кнута, какъ только отъ него это потребуется. Мы пережили и то, какъ наисмирнѣйшіе послѣдователи Толстого, какъ соціалъ-демократы, которые стремятся только къ организаціи массъ и гнушаются всякихъ насильственныхъ средствъ, какъ наиумѣреннѣйшіе либералы, которыхъ всѣ пожеланія исчерпываются только тѣмъ, чтобы добиться конституціоннаго режима, какъ всѣ они подводятся въ русскихъ полицейскихъ мозгахъ подъ категоріи анархистовъ или нигилистовъ. (Совершенно вѣрно! — среди соціалъ-демократовъ.) И въ дѣйствительности и здѣсь въ Берлинѣ, и въ Шарлоттенбургѣ, и въ Гермсдорфѣ, и въ другихъ предмѣстьяхъ — всякій русскій, всякій студентъ, вообще всякій принадлежащій къ такъ называемой интеллигенціи, всякій и всякая работница подвергаются тайному выслѣживанію со стороны этихъ чиновниковъ, такъ какъ всякій, кто только хоть нѣкоторое время дышалъ западно-европейскимъ воздухомъ, является для русскихъ чиновниковъ уже „подозрительнымъ“".

„Что-же касается того, какимъ образомъ осуществляется эта шпіонская дѣятельность, относительно этого мы едва-ли бы могли имѣть представленіе, если-бы постепенно не былъ нагроможденъ массами самый доказательный матеріалъ. Русскіе шпіоны прежде всего подкупаютъ квартирныхъ хозяевъ съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе за спиною своихъ жильцовъ перерыли ихъ вещи и опредѣлили, какія у нихъ книги, какія они читаютъ га-

зеты, какія они получаютъ письма, откуда ихъ получаютъ, и куда, наконецъ, отсылаются отправляемыя ими письма . . . Въ отсутствіе русскихъ шпіоны сами отправляются къ нимъ на квартиры и сами перешариваютъ ихъ вещи (слушайте, слушайте! — у соціалъ-демократовъ), — разъ только они получаютъ на это разрѣшеніе квартирохозяина. Они пользуются всевозможными средствами, чтобы втереться къ квартирохозяевамъ. Въ одномъ случаѣ они объявляютъ, что они все это дѣлаютъ изъ патріотизма . . , въ другомъ рубль играетъ свою роль, если только хозяинъ недостаточно уступчивъ. И, разъ имъ квартиру всетаки не открываютъ, они проникаютъ въ нее очень просто при помощи поддѣльныхъ ключей.“ (Слушайте, слушайте! — у соціалъ-демократовъ.)

„Въ высшей степени характерный случай произошелъ въ этомъ направленіи съ однимъ докторомъ медицины, г. Вечеславомъ. Этотъ господинъ, занимавшійся изученіемъ медицины, женатый и жившій съ семьею въ Гермсдорфѣ, гдѣ онъ и отдалъ въ школу своего единственнаго ребенка, былъ выслѣживаемъ такимъ-же образомъ, какъ и всѣ остальные русскіе. Сначала была сдѣлана попытка заглянуть въ его квартиру при помощи его хозяйки. И въ то время, когда квартиру убирали —, пробовали, ставши въ дверяхъ комнаты, бросить взглядъ внутрь; наконецъ однако, когда все сдѣлалось недостаточнымъ, постарались сойтись съ почтовыми чиновниками и предприняли попытку при помощи подкупа заглянуть въ корреспонденцію. И что почтовые чиновники въ данномъ случаѣ не поддались этой попыткѣ, надо быть благодарнымъ только ихъ твердости; если-бы, однако,

дѣло пошло согласно преступной волѣ русскихъ шпіоновъ, то тайна писемъ была-бы уже здѣсь нарушена. Въ концѣ концовъ, однако, удалось полиціи, неизвѣстно какимъ путемъ добыть свѣдѣнія относительно двухъ телеграммъ доктора Вечеслава . . . И эти свѣдѣнія могла полиція получить только при помощи нарушенія довѣрія, сумѣвъ подѣйствовать на почтовыхъ чиновниковъ такъ, чтобы получить доступъ къ отсылаемымъ и получаемымъ телеграммамъ. (Совершенно вѣрно! — у соціалъ-демократовъ.)

Было даже обѣщано одному шпіону, котораго я вначалѣ назвалъ, Вольцу, особое вознагражденіе въ 500 мар., если-бы удалось разузнать, когда этотъ д-ръ Вечеславъ возвращается въ Россію, и если-бы такимъ образомъ удалось задержать послѣдняго на русской границѣ. Поощренный такимъ образомъ этотъ шпіонъ ничего не оставилъ неиспробованнымъ, чтобы только проникнуть въ тайны д-ра Вечеслава; однако, такъ-какъ тамъ не было никакихъ тайнъ, то онъ и не могъ ихъ открыть. И это ему было, какъ и всегда, поставлено начальствомъ на видъ, и на него стали смотрѣть какъ на глупца и неспособнаго. Тогда произошло нѣчто, чего отнюдь нельзя было-бы считать возможнымъ, а именно вышеназванный господинъ „графъ“ въ сопровожденіи другихъ шпіоновъ явился на квартиру д-ра Вечеслава и, такъ-какъ онъ нашелъ дверь затворенной, то попросту призвалъ слесаря и подкупилъ его за подачку въ 20 мар., такъ что этотъ послѣдній отворилъ ему дверь; затѣмъ онъ проникъ въ открытое при помощи этого преступнаго дѣянія помѣщеніе и въ отсутствіи д-ра Вечеслава обыскалъ всѣ его

бумаги“ . . . И представляетъ „интересъ услышать, что дѣлало германское правительство по отношенію къ этому наглому взлому“. „Къ сожалѣнію почтовые чиновники оказались тамъ и здѣсь достаточно слабыми для того, чтобы нарушить почтовую тайну, и подъ вліяніемъ преступнаго подстрекательства шпіоновъ они позволяли себѣ выдавать имъ письма.“ (Пфуй! — среди соціалъ-демократовъ.)

„Въ одномъ случаѣ письмо было постыднымъ образомъ вскрыто въ присутствіи почтоваго чиновника и затѣмъ опять закрыто на русскій манеръ съ тѣмъ, чтобы получательница, одна русская студентка, ничего не замѣтила; она однако это замѣтила, и, какъ только она объявила почтовому чиновнику, что она сейчасъ-же пойдетъ на почту и тамъ заявитъ объ этомъ, то онъ просилъ со слезами не губить его и его семью и простить ему, что онъ былъ слабъ, но шпіонъ такъ долго уговаривалъ его сладкими словами, что онъ подконецъ сдался и выдалъ ему письмо.“

„Вообще, однако, русскія власти настолько освѣдомлены относительно переписки русскихъ, что это и невозможно иначе, какъ только — или шпіоны вламываются въ квартиры, или-же опять таки и здѣсь почтовые чиновники склоняются къ нарушенію почтовой тайны“.

Этимъ, впрочемъ, жандармскія услуги Германіи Россіи не ограничиваются. Какъ говорилъ далѣе въ своей рѣчи депутатъ Гаазе: „нынче наши таможенныя учрежденія сдѣлались преданными по службѣ помощниками царя!“ (Слушайте, слушайте! — среди соціалъ-демократовъ.) „Приходящія изъ Швейцаріи русскія сочиненія разсма-

триваются таможенными чиновниками и по ихъ содержанію и, какъ это выяснилось въ Мемелѣ и Кёнигсбергѣ, выдаются полиціи.“ (Слушайте, слушайте! — среди соціалъ-демократовъ.)

„Да, нынче даже имперскихъ подданныхъ, которые ничего другого не сдѣлали, какъ только — само собою разумѣется — внутри имперской области получали и отсылали дальше русскія печатныя произведенія, ихъ подвергаютъ процессамъ — и это не въ Россіи, а Пруссіи внутри германской имперіи — за тайное сообщество и держатъ мѣсяцами въ предварительномъ заключеніи!“ . . .

„Наши университетскія учрежденія позволяютъ злоупотреблять собою для любовныхъ услугъ царизму и если русскій студентъ или русская студентка представляетъ здѣсь свои бумаги для цѣлей имматрикуляціи, то и эти бумаги, которыя въ довѣріи къ университету передаются университетскимъ учрежденіямъ, выдаются этими послѣдними полиціи и притомъ именно отдѣленію для полиціи политической. (Слушайте, слушайте! — у соц.-дем.) И только если политическая полиція сообщитъ университетскому начальнику на особомъ бланкѣ — . . . я его принесъ съ собою —, что „политически предосудительнаго ничего не извѣстно“ — а свои свѣдѣнія она получаетъ опять-таки отъ русскихъ властей —, то только тогда впервые получаетъ русскій студентъ или студентка увѣдомленіе о допущеніи ихъ къ имматрикуляціи. Господа, надо-бы полагать, что по крайней мѣрѣ наши университетскіе преподаватели будутъ обладать пониманіемъ высокаго идеализма русской учащейся молодежи; надо-бы думать, что наши университетскіе преподаватели сумѣютъ оцѣнить мо-

лодыхъ людей, которые готовы каждую минуту выступить за освобожденіе русскаго народа изъ цѣпей и господства кнута — даже цѣною своей собственной свободы, даже принося въ жертву свою собственную жизнь. Нѣтъ, господа, даже и университетскія учрежденія — и это постыдно и унизительно — покоряются властному слову царизма!

И наша собственная полиція находится въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ русской полиціей . . . До сихъ поръ у насъ дѣйствовалъ тотъ государственно-правовой принципъ, что наше правительство, какъ и всякое суверенное государство, правда, имѣетъ право высылать иностранцевъ; однако, при этомъ придерживались строго того, что пока иностранецъ находится въ предѣлахъ государства, и его высылка или выдача еще не послѣдовали, то онъ пользуется тѣми-же правами, что и туземецъ, что иностранецъ не стоитъ подъ дѣйствіемъ исключительнаго законодательства, что онъ наконецъ не внѣ права и закона. Совершенно иначе все стало при русскомъ полицейскомъ режимѣ, который мы теперь имѣемъ въ Германіи. И тѣ русскіе, которые, довѣряя праву гостепріимства со стороны германской имперіи, и которымъ позволяютъ здѣсь учиться и работать, подвергаются такому обращенію какъ преступники, для которыхъ не существуютъ никакихъ законовъ . . . . Наша полиція присваиваетъ себѣ право во всякое время входить въ помѣщеніе всякаго русскаго и предпринимать тамъ домашніе обыски (слушайте, слушайте! — у соціалъ-дем.) даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ никакого подозрѣнія въ совершеніи наказуемаго дѣянія. Наша полиція при-

свaиваетъ себѣ право требовать къ себѣ русскихъ во всякое время по произволу, ихъ выспрашивать, требовать, чтобы они предъявили всѣ свои вещи, чтобы они давали показанія относительно имѣющихся у нихъ сочиненій и предмета ихъ чтенія. На жалобу, принесенную защитникомъ одного арестованнаго здѣсь русскаго, по имени Красикова, наша полиція объявила, что она ради цѣлей обезпеченія и проведенія высылки иностранца имѣетъ право арестовывать подлежащее высылкѣ лицо и захватывать находящіяся въ его распоряженіи бумаги, которыя могутъ имѣть значеніе при рѣшеніи вопроса о высылкѣ . . . Прокуроръ, которому было подано прошеніе о привлеченіи этихъ полицейскихъ чиновниковъ къ суду . . , далъ отвѣтъ, что все это произведено криминальнымъ коммиссаромъ Выненомъ для того, чтобы выяснить тяготѣющее надъ однимъ соучастникомъ — по имени Шеколдинымъ — серьозное подозрѣніе, что онъ именно и есть „тягостный“ иностранецъ, и чтобы подготовить высылку ставшаго тягостнымъ иностранца... И такъ полиція присваиваетъ себѣ право производить обыски, арестовывать и вообще обращаться съ иностранцемъ какъ съ преступникомъ не потому, что иностранецъ сдѣлался тягостнымъ, и полиція имѣетъ доказательства этого въ рукахъ, но только потому, что она предполагаетъ, что иностранецъ могъ-бы, пожалуй, сдѣлаться тягостнымъ въ полицейскомъ смыслѣ . . .“

„Гармонія между нашей и русской полиціей идетъ, однако, еще дальше. То, что находятъ при подобныхъ домовыхъ обыскахъ, были-бы это только невинные адреса какихъ-нибудь живущихъ въ Россіи лицъ, они передаются русскимъ властямъ.

(Слушайте! у соц.-дем.) А что подобное сообщеніе значитъ для Россіи, это мы знаемъ. Если же у кого-нибудь, кто сдѣлался „тягостенъ“ прусской полиціи, будетъ найденъ адресъ русскаго человѣка, то этотъ русскій представляется русскимъ властямъ уже навѣрняка „подозрительнымъ“. Такъ и случилось, что когда здѣсь у Красикова нашли адресъ г. Пашковскаго, завѣдующаго статистическимъ бюро въ Уфѣ, то этотъ фактъ сей часъ-же сообщили русскимъ властямъ. И результатомъ этого было — что Пашковскій въ качествѣ подозрительнаго былъ немедленно арестованъ въ Россіи и сосланъ въ административномъ порядкѣ.“ (Слушайте, слушайте!)

„Господа, можно-ли было считать возможнымъ, что нѣмецкія власти предложатъ себя для несенія подобныхъ услугъ любви русскому правительству и своими силами будутъ содѣйствовать къ тому, чтобы люди, которые по нашимъ воззрѣніямъ и по убѣжденію каждаго цивилизованнаго человѣка ничего не сдѣлали дурного, чтобы они были попросту арестованы на русскій манеръ и должны были томиться тамъ въ тюрьмѣ или ссылкѣ мѣсяцы и годы!“

„Однако, наша полиція въ концѣ концовъ становится часто болѣе русской (совершенно вѣрно!), чѣмъ самыя русскія власти. Могу привести Вамъ этому примѣры. 15 февраля 1902 г. проникли въ одно помѣщеніе (Lokal) въ Шарлоттенбергѣ по Шиллеръ-штрассе № 117 около 15 прусскихъ тайныхъ полиціантовъ (слушайте, слушайте!) подъ предводительствомъ Г-на уголовнаго коммиссара Вынена, тамъ сидѣлъ рядъ русскихъ молодыхъ людей, частью въ веселой бесѣдѣ, частью за чте-

ніемъ. Тотъ часъ же было предположено тайное общество, русскіе студенты были отведены въ участокъ, они удостовѣрили свою личность студенческими билетами; однако, это было признано недостаточнымъ и они были задержаны до утра. Тогда . . . у нихъ былъ произведенъ домашній обыскъ, былъ составленъ списокъ находящихся у нихъ изданій и переданъ русскимъ властямъ.“ (Слушайте, слушайте! — пфуй! — слѣва.)

„Всѣ эти студенты, а также часть другихъ студентовъ, которые были виновны въ томъ преступленіи, что они обѣдали въ томъ же самомъ Lokal'ѣ, Шиллеръ-штрассе 117, были высланы и притомъ 17 Марта 1902 г., когда имъ объявили, что они должны въ теченіи трехъ дней оставить территорію государства. Однако, въ теченіи этихъ трехъ дней съ ними обращались какъ съ арестантами и слѣдили за каждымъ ихъ движеніемъ, пока они не отрясли отъ своихъ ногъ прахъ прусской полиціи.“

„Ну, господа, теперь начинается нѣчто позорное и для насъ въ особенности унизительное. Когда эти молодые люди вернулись въ Россію, они были по сигналу изъ Германіи арестованы, какъ подозрительные русскіе (пфуй! — слѣва), семь недѣль сидѣли они въ Варшавѣ, и что же тамъ произошло? Тамъ они были отпущены, т. к. русскія власти не могли найти ничего подозрительнаго. (Слушайте, слушайте!) А русскій чиновникъ, который руководилъ дознаніемъ, заявилъ даже: „Я не понимаю, чего это нѣмецкія полицейскія власти дѣлаютъ намъ такія хлопоты изъ-за такой дряни.““ (Слушайте, слушайте!)

„Даже въ Россіи, съ господствующей тамъ

политической точки зрѣнія изъ нихъ ничего не могли сдѣлать и когда они потребовали заграничный паспортъ для продолженія ихъ занятій — они получили его безъ препятствія, чѣмъ и было оффиціально установлено, что для Россіи они не представляются даже „подозрительными“; они продолжаютъ теперь свои занятія въ одномъ культурномъ государствѣ, которое не позволяетъ русскому царизму употреблять себя подобно Пруссіи и другимъ частямъ германской имперіи для цѣлей выслѣживанія и преслѣдованія лицъ ищущихъ здѣсь нашего гостепріимства.

Однако такъ произошло не только съ этими русскими. 25 февраля 1902 г. у Шмулковскаго были арестованы 27 лицъ только потому, что они были вмѣстѣ въ самой веселой бесѣдѣ; между ними было 2 нѣмецкихъ студента, 4 австрійскихъ и 21 русскій; въ глазахъ полиціи уже это — преступленіе, котораго русскіе не должны себѣ позволить. Они были высланы, на нихъ, какъ на подозрительныхъ, былъ написанъ доносъ русскому правительству, въ Россіи они были арестованы и, какъ ихъ судьба сложилась въ отдѣльности, я не могу Вамъ сказать; Вы знаете всѣ, что въ Россіи немного нужно для того, чтобы попросту быть сосланнымъ въ административномъ порядкѣ, даже когда подлежащее лицо ничего не сдѣлало такого, что могло-бы заслуживать порицанія въ глазахъ всякаго порядочнаго человѣка, или даже въ глазахъ политика съ правой стороны этой палаты. Наша прусская полиція еще и тѣмъ доказала свое внутреннее единомысліе съ русскимъ правительствомъ, что она такъ осуществляетъ политику высылки изъ предѣловъ страны, какъ это, во вся-

комъ случаѣ, совершенно неизвѣстно цивилизованному міру . . . Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые стали извѣстны въ послѣдніе годы и занимали собою печать, все дѣло шло не о людяхъ, которые чѣмъ-нибудь нарушили наши законы или что-нибудь предприняли противъ безопасности нашего государства, но исключительно о лицахъ, которыя по воззрѣніямъ русскихъ полицейскихъ шіоновъ были неудобны для русскаго правительства. (Слушайте, слушайте! — слѣва.) Кто непріятенъ русскому правительству, тотъ теперь и у насъ сталъ для нашего правительства „тягостнымъ“ иностранцемъ. Прежде, однако, по крайней мѣрѣ соблюдали одно, а именно: если выслали иностранца, то ему предоставлялось на выборъ въ теченіи назначеннаго срока тамъ перейти границу, гдѣ это было ему угодно; если этого не дѣлать, арестовывать высланнаго и силою доставлять его на ту границу, которую онъ не желаетъ переступить, это значитъ выдавать его и при томъ безъ гарантій производства о выдачѣ, какъ это твердо установлено въ договорахъ о выдачѣ для всѣхъ цивилизованныхъ государствъ. Высылка состоитъ въ приказаніи покинуть предѣлы государства, выдача — въ передачѣ иностранца другому государству. Вы знаете, что не разъ, а нѣсколько произошло такъ, что прусское правительство прямо забирало русскихъ и доставляло ихъ на русскую границу противъ ихъ воли въ качествѣ „тягостныхъ“ иностранцевъ; о случаѣ Калаева уже здѣсь было говорено, такъ-же какъ о случаѣ Альтеръ. Послѣдній случай былъ особенно удивителенъ: Альтеръ не совершилъ ничего преступнаго кромѣ того, что онъ не могъ указать никакихъ бумагъ

удостовѣряющихъ личность. Онъ объявилъ: „Я швейцарецъ и хочу въ Англію, пустите меня, выселяйте меня, хорошо, со своей стороны я уйду.“ Однако, его арестовали и держали въ теченіи недѣль, чтобы — какъ это сообщили мнѣ — его защитнику — установить, какой онъ національности, и гдѣ его отечественныя власти, и когда, не смотря на его увѣренія, что онъ швейцарецъ, якобы розыскали, что онъ русскій, то силою препроводили его на русскую границу. (Живые возгласы среди соціалъ-демократовъ.) Однако, и въ данномъ случаѣ русскія власти оказались нѣсколько болѣе цивилизованными, чѣмъ прусскія. (Слушайте! — у соціалъ-демократовъ.) Онѣ указали на затрудненія принять его послѣ того, какъ былъ допрошенъ цѣлый рядъ лицъ изъ предполагаемого его мѣсторожденія, указаннаго прусскими властями, и всѣ эти лица, будучи спрошены относительно его тожества, всѣ заявили, что они этого человѣка не знаютъ; русскія власти передали Альтера назадъ прусскимъ властямъ. (Слушайте, слушайте! — у соціалъ-демократовъ.) Такъ онъ долженъ былъ сидѣть дальше, пока, наконецъ, прусское правительство не отыщетъ его отеческое учрежденіе, которое было бы настолько любезно, чтобы приняло его по этапу“ . . .

„Да, въ послѣднее время часто случалось, какъ то бывало и въ Торнѣ, что тамъ задерживали людей, которые пріѣзжали по желѣзной дорогѣ изъ Россіи съ цѣлью продолжать путешествіе, не пускали ихъ ѣхать дальше —, такъ было съ нѣкіимъ Нахманзономъ и его спутникомъ — ихъ арестовывали и принудительно отправляли, противъ ихъ воли, въ Россію.“ (Слушайте, слушайте! — у соціалъ-демократовъ.)

„Право убѣжища для политическихъ бѣглецовъ сложилось въ прошломъ столѣтіи на долгое время положительно въ максиму, которой должно было неуклонно придерживаться каждое государство, которое только заявляло притязаніе быть культурнымъ государствомъ. И Германія, думаю я, имѣла бы всѣ основанія осуществлять это право въ самой широкой степени. (Совершенно вѣрно! — у соціалъ-демократовъ.) Русскіе, которые ищутъ нашего гостепріимства, это вѣдь не обычные „анархисты“ въ обычномъ полицейскомъ смыслѣ этого слова. Это мужчины и женщины, которые внушаютъ каждому, кто даже не раздѣляетъ ихъ точки зрѣнія, удивленіе своей геройскою борьбой, которую они ведутъ противъ деспотизма; люди, которые желаютъ создать въ русской имперіи такія условія жизни, которыхъ мы добились, по крайней мѣрѣ, въ ихъ доброй части. Право убѣжища въ прошломъ вѣкѣ было именно обосновано учителями международнаго права тѣмъ, что прямо невозможно выдавать политическаго бѣглеца только потому, что онъ въ своемъ государствѣ служилъ цѣлямъ, къ которымъ мы стремились бы сами, и которыя мы считаемъ достойными хвалы. По меньшей мѣрѣ однако слѣдовало ожидать отъ нашего правительства, что оно не будетъ дѣйствовать по просту по приказу русскихъ чиновниковъ, что оно не будетъ по доносу русскихъ шпіоновъ пятнать людей въ глазахъ русскихъ отечественныхъ властей и предавать ихъ на несчастье, если они снова вступятъ на русскую почву“ . . .

„Однако, у насъ, какъ я уже Вамъ сказалъ, не ограничились тѣмъ, что выслѣживали русскихъ, даже самыхъ невинныхъ среди нихъ, и не оста-

лись при томъ, что здѣсь происходили попытки подкупить нашихъ чиновниковъ, что здѣсь вламывались въ квартиры, не удовлетворились и тѣмъ, что вѣрность и довѣріе были нарушены всякими способами, что пытались подкупить русскихъ студентовъ, снабженныхъ, какъ извѣстно, весьма слабыми средствами, и тѣмъ пытались ихъ сдѣлать предателями для ихъ собственныхъ товарищей. Нѣтъ, у насъ слѣдили и за нѣмецкими гражданами: выслѣдили то, при помощи шпіоновъ, какъ ведутъ себя нѣмецкіе граждане, поскольку они поддерживаютъ съ русскими общественныя или профессіональныя отношенія, что они дѣлаютъ и чѣмъ занимаются и не обезпечиваютъ ли они русскимъ гдѣ-нибудь или какую-нибудь лазейку. Да, господа, я могу привести Вамъ два случая, въ которыхъ русскій шпіонъ самымъ пошлымъ образомъ одинъ разъ пытался вызвать преступленіе, а въ другой разъ совершилъ его.

Въ Кенигсбергѣ къ одному германскому подданному, къ парикмахеру Новагродскому, пришелъ какъ то одинъ изъ этихъ „неджэнтельмэповъ“ и пробовалъ къ нему втереться въ качествѣ человѣка, который долженъ былъ бѣжать изъ Россіи; пытался вывѣдать отъ него, какія есть у него русскія изданія и, наконецъ, сдѣлалъ ему предложеніе, чтобы тотъ изготовилъ ему паспортъ съ подписью и печатью какого-нибудь нѣмецкаго учрежденія. (Слушайте, слушайте! У соціалъ-демократовъ.) Онъ требовалъ отъ него, такимъ образомъ, не только, чтобы тотъ оказалъ ему службу и передалъ ему какой-нибудь настоящій паспортъ для пользованія, но чтобы онъ совершилъ тяжкое преступленіе поддѣлки документа. Когда Нова-

гродскій желалъ разоблачить этого человѣка, онъ испарился навсегда въ безконечность. Я думаю, что я, во всякомъ случаѣ, не ошибусь, если приму, что въ актахъ кенигсбергскаго процесса о тайномъ обществѣ .... можно будетъ найти слѣды этого шпіона.“

„Другой шпіонъ въ Штетинѣ вслѣдствіе простого и притомъ не вѣрнаго предположенія, что нашъ коллега въ рейхстагѣ, депутатъ Гербертъ, получаетъ въ Штетинѣ письма откуда то изъ Россіи, осмѣлился этимъ лѣтомъ, во время отсутствія коллеги Герберта изъ Штетина, подать на почту заявленіе и, поддѣлавъ имя Герберта, просить, чтобы всѣ печатныя произведенія и другія почтовыя посылки не выдавались больше коллегѣ Герберту на его квартирѣ, а оставались лежать на почтѣ до тѣхъ поръ, пока за ними не придутъ. (Слушайте, слушайте! У соціалъ-демократовъ.) Шпіонъ расчитывалъ на то, что Гербертъ не вернется скоро домой, и что на основаніи этой поддѣланной довѣренности, онъ сможетъ перелистать корреспонденцію коллеги Герберта, его письма и печатныя изданія. Гербертъ, однако, вернулся домой раньше и благодаря случаю узналъ на третій день, что на почтѣ лежитъ довѣренность съ его именемъ. Онъ заявилъ, что онъ никакой довѣренности не давалъ, а его имя, должно быть, поддѣлано; когда же онъ самъ былъ приглашенъ на почту, поддѣлка и въ дѣйствительности выяснилась совершенно очевидно. Всѣ спрашивали тогда cui bono, кто имѣетъ интересъ въ томъ, чтобъ поддѣлывать подпись Герберта? Коллега Гербертъ былъ достаточно наивенъ и совершенно не думалъ о шпіонскомъ дѣяніи; чиновники начали разслѣдо-

ваніе по поводу поддѣлки документа, однако, ничего не вышло, пока наконецъ, не выяснилось другимъ путемъ, что здѣсь дѣло идетъ объ одномъ шпіонѣ, который, какъ только замѣтилъ, что почва подъ ногами у него стала слишкомъ горяча, отправился тѣмъ временемъ въ Швейцарію, въ Цюрихъ. Господа, Вы, конечно, знаете, какъ въ послѣднее время въ Швейцаріи дѣлали русскіе шпіоны свое дѣло, и что они примѣняли тамъ совершенно тѣ же средства, что и у насъ; они открывали тамъ почтовые ящики и домовыя двери отмычками, для того, чтобы добыть корреспонденцію живущихъ тамъ русскихъ. Въ общемъ, шпіоны работали той же манерой и въ Шарлоттенбургѣ и въ другихъ предмѣстьяхъ и неоднократно открывали при помощи отмычекъ почтовые ящики; въ одномъ случаѣ въ поспѣшности они даже забыли фальшивый ключъ, такъ-что слѣды ихъ дѣятельности можно было прослѣдить еще дальше. Въ Швейцаріи обоихъ шпіоновъ выслали. Что же сдѣлало съ обоими преступниками имперское правительство Германіи, объ этомъ мы еще ничего не слыхали. Относительно этого и я и Вы очень желали бы имѣть объясненіе.“ (Совершенно вѣрно! Слѣва.)

„Господа, Вы всѣ теперь слышали, что здѣсь выслѣживаютъ также и нѣмецкихъ гражданъ. Еще два года тому назадъ . . . . наше имперское правительство было того мнѣнія, что это, во всякомъ случаѣ, недопустимо, что оно этого, никоимъ образомъ, недопуститъ . . . Имперское правительство тогда еще считало немыслимымъ, чтобы русскія власти это себѣ присвоили; нынче это происходитъ каждый день, и я совершенно не замѣтилъ, чтобы имперское правительство выступило

противъ этого, чтобы оно охранило честь и достоинство германской имперіи по отношенію къ этимъ русскимъ властямъ.“ (Очень хорошо! у соціалъ-демократовъ.)

„Въ 1902—1903 г. Г. штатсъ-секретарь сдѣлалъ еще заявленіе, что германское правительство не можетъ защитить отъ ареста тѣхъ нѣмцевъ, которые отправляются въ Россію съ революціонными изданіями, онъ далъ совѣтъ никому не ѣздить съ такими изданіями въ Россію, такъ какъ, вѣдь, извѣстно, что руссія власти, въ этомъ отношеніи, шутокъ не шутятъ; онъ въ концѣ концовъ, однако, присовокупилъ, что даже и въ такихъ случаяхъ правительство сдѣлаетъ все, что можетъ по отношенію къ арестованнымъ нѣмецкимъ гражданамъ. Изъ его рѣчей вытекало тогда съ опредѣленностью, что, конечно, было и единодушнымъ воззрѣніемъ рейхстага, а именно, что, во всякомъ случаѣ, здѣсь, въ Германской имперіи, можно безнаказанно получать и отправлять русскія изданія. И не прошло еще съ тѣхъ поръ одного года, и уже въ Мемелѣ и Кёнигсбергѣ арестовываютъ нѣмецкихъ гражданъ за принадлежность къ тайному обществу только потому, что они получали и пересылали дальше русскія изданія изъ Швейцаріи. Удивительно при этомъ . . . что изъ нихъ одного держатъ 10 недѣль въ предварительномъ заключеніи, а другихъ еще дольше, только вслѣдствіе опасности сокрытія доказательствъ преступленія и даже не по подозрѣнію въ желаніи скрыться . . . У каждаго изъ обвиняемыхъ между тѣмъ сначала былъ произведенъ домовой обыскъ, и былъ захваченъ при этомъ послѣдній листочекъ ихъ частной корреспонденціи. Надъ каждымъ изъ нихъ далѣе, прежде чѣмъ былъ

произведенъ обыскъ, была установлена цензура писемъ, и всѣ получаемыя письма попросту задержаны. Обвиняемыхъ, наконецъ, допросили и тѣмъ не менѣе все дольше и дольше задерживали подъ стражей по указанному выше поводу. Верхній земскій судъ въ Кёнигсбергѣ, на вопросъ о томъ, какіе же факты указываютъ здѣсь на опасность сокрытія доказательствъ, прямо отвѣтилъ — я читаю это буквально — что по самой природѣ подлежащаго дѣянія опасность сокрытія доказательствъ безъ дальнѣйшаго предполагается!“ (Смѣхъ слѣва.)

„Гдѣ же, однако, лежитъ таинственность этого сообщества? Печатныя изданія пришли изъ Швейцаріи черезъ нѣмецкую таможню и на ней были вскрыты; обвиняемые, ничего не подозрѣвая, такъ какъ они думали, что дѣло идетъ о дозволенныхъ безразличныхъ изданіяхъ — они содержанія ихъ не знали и читать по-русски не умѣютъ — они оставили эти изданія частью открытыми лежать на таможнѣ, они дѣйствовали такъ не смотря на то, что они уже знали, что наши таможенные чиновники даютъ полиціи свѣдѣнія о русскихъ печатныхъ изданіяхъ. Воистину, нельзя болѣе открыто дѣйствовать по отношенію нашихъ собственныхъ властей, чѣмъ это здѣсь случилось. Да, тайна была на лицо, но эти изданія должны были быть тайными только для русскаго правительства, но никакъ не для нашего имперскаго“. . .

„Однако, на этомъ дѣло не остановилось; разыгралось происшествіе, которое является совершенно единичнымъ во всей прусской, во всей германской, даже во всей западно-европейской исторіи. Противъ нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ было начато дѣло изъ-за соучастія ихъ въ измѣнѣ противъ

русской имперіи и въ оскорбленіи русскаго царя. (Слушайте, слушайте!) Составъ этого преступленія былъ найденъ въ содержаніи тѣхъ произведеній, которыя были присланы нѣкоторымъ изъ обвиняемыхъ. Господа, обвиняемые не знаютъ по-русски, о содержаніи этихъ произведеній они не имѣютъ никакого понятія, и тѣмъ не менѣе они должны были оказать соучастіе.

Меня интересуетъ, однако, въ настоящій моментъ гораздо болѣе политическая сторона дѣла, чѣмъ юридическая. Наказуемость предполагаемыхъ здѣсь дѣяній у насъ въ Германіи обусловливается предъявленіемъ особой жалобы со стороны потерпѣвшаго. Конечно, я знаю очень хорошо, что для начала производства жалоба не необходима, что требованіе о наказаніи можетъ быть предъявлено и позже. Спрашивается теперь, какимъ путемъ русское правительство пришло къ тому, чтобы предъявить это требованіе? Какое учрежденіе сообщило русскому правительству о содержаніи тѣхъ актовъ, которые скрыты отъ защитника, а частью и даже въ своей наиболѣе значительной части отъ самихъ обвиняемыхъ? (Слушайте, слушайте! — у соц.-дем.) Какимъ путемъ русское правительство получило о томъ свѣдѣнія? Кто побудилъ русское правительство предъявить требованіе о наказаніи? Вѣдь, русское правительство не могло-бы предъявить никакого требованія прежде, чѣмъ оно не получило свѣдѣній о содержаніи упомянутыхъ изданій.

Господа, оба обвиняемыхъ обнаружили совершенно понятное желаніе, чтобы содержаніе этихъ печатныхъ изданій было имъ предъявлено въ нѣмецкомъ переводѣ, благодаря которымъ выковано

противъ нихъ такое тяжелое обвиненіе; и несмотря на то, что § 136, отд. 2 нашего уголовнаго процесса требуетъ, чтобы при допросѣ обвиняемыхъ имъ была доставлена возможность ознакомиться со всѣми основаніями подозрѣнія и устранить ихъ, однако, и до сихъ поръ еще обвиняемымъ не сообщено содержаніе якобы-преступныхъ изданій.“ (Слушайте, слушайте! — у соц.-дем.)

„Господа, судя по личности того — это могу Вамъ опредѣленно сказать — отъ кого обвиняемые ожидали печатныхъ произведеній, другими словами, того, которому они обѣщали принять изданія, если они будутъ имъ присланы —, судя по этому лицу, представляется совершенно исключенной всякая возможность, чтобы имъ были отосланы какія-бы то ни было изданія, которыя были-бы противугосударственнаго преступнаго содержанія. (Совершенно вѣрно! — у соц.-дем.) Это русское лицо, которое извѣстно, оно умѣренно въ высшей степени; молодой русскій — врагъ анархизма, врагъ пропаганды дѣломъ, противникъ террора, и представляется совершенно невозможнымъ, чтобы онъ отослалъ въ Кёнигсбергъ или Мемель подобныя изданія. И если теперь захвачены произведенія, въ которыхъ рекомендуются насильства, то спрашивается, откуда идутъ эти изданія?

Прежде я на этотъ вопросъ не могъ найти отвѣта; благодаря же матеріалу, который я получилъ тѣмъ временемъ, и который я сообщилъ Вамъ, отвѣтъ легко найти. Развѣ не могъ и въ Цюрихѣ какой-нибудь русскій шпіонъ приложить свои грязныя руки къ дѣлу отсылки указанныхъ изданій? (Совершенно вѣрно! — у соц.-дем.)

Развѣ не могъ одинъ изъ этихъ пошлыхъ

негодяевъ узнать при помощи шпіонства, кто именно изъявилъ согласіе на полученіе посылки въ Мемелѣ и Кёнигсбергѣ, и, отославъ туда изданія террористическаго содержанія, донести на этихъ получателей, а этимъ и отрѣзать письменное сообщеніе съ Россіей?“

„Юридическая сторона этого вопроса еще будетъ обсуждаться потомъ, когда окончится процессъ; здѣсь, какъ сказано, меня интересуетъ прежде всего политическая сторона. Здѣсь мы хотѣли-бы знать, что думаетъ предпринять правительство по отношенію къ русскимъ полицейскимъ шпіонамъ на нашей территоріи? Что думаетъ оно предпринять по отношенію къ тѣмъ преступленіямъ, которыя уже совершены, по отношенію къ тѣмъ преступнымъ подстрекательствамъ, которыя уже сдѣланы? Намѣрено-ли наше правительство и впредь оказывать такія „услуги любви“? Намѣрено-ли и впредь, какъ и до сей поры, наше правительство и наши чиновники служить помощниками русскихъ палачей? Будутъ-ли и впредь тѣ лица, которыя по нашему воззрѣнію вполнѣ безупречны, выдаваться силою русскимъ палачамъ съ тѣмъ, чтобы быть сосланными въ Сибирь или томиться въ тюрьмѣ? Здѣсь интересуетъ насъ также вопросъ, какъ это случилось, что русское правительство получило свѣдѣнія о содержаніи тѣхъ арестованныхъ въ Кёнигсбергѣ изданій? Какимъ путемъ получило оно эти свѣдѣнія? Какимъ путемъ было предъявлено со стороны русскаго правительства требованіе о наказаніи обвиняемыхъ? . . .“

Въ отвѣтъ на это обоснованіе интерпелляціи штатсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, бар. Рихтгофенъ сказалъ между прочимъ слѣдующее:

„ . . . Имперскому канцлеру извѣстно, что одному русскому чиновнику, принадлежащему къ здѣшнему русскому посольству, поручено его правительствомъ слѣдить за дѣйствіями и происками русскихъ анархистовъ (Слушайте, слушайте! — у соц.-дем.), которые находятся въ Германіи, и постоянно увѣдомлять объ этомъ русское правительство.

Имперскому канцлеру напротивъ того ничего не извѣстно, откуда должно-бы слѣдовать, что русскіе чиновники распростираютъ свою дѣятельность и на имперскихъ подданныхъ. Имперскому канцлеру ничего не извѣстно, чтобы этотъ чиновникъ или его помощники совершали и покушались совершать преступленія въ Германіи или даже подстрекали другихъ къ совершенію таковыхъ . .“

„ . . Устраненіе существующихъ условій представляется далѣе г. имперскому канцлеру не надлежащимъ (Слушайте, слушайте! — и живыя возраженія со стороны соц.-дем.), такъ-какъ это въ интересѣ имперіи, если за происками иностранныхъ анархистовъ будутъ слѣдить органы ихъ отечественнаго государства, насколько это, конечно, возможно безъ осуществленія публичной должности.

Что-же касается дальнѣйшаго вопроса, а именно того, какъ это случилось, что въ Кёнигсбергѣ вслѣдствіе предполагаемаго соучастія въ измѣнѣ противъ русской имперіи и оскорбленіи русскаго императора начато дѣло противъ имперскихъ подданныхъ прежде, чѣмъ со стороны русскаго правительства послѣдовало обусловливающее наказуемость требованіе о наказаніи, то это — принадлежитъ къ компетенціи прусскаго вѣдомства юстиціи . .“ (Смѣхъ со стороны соц.-демократовъ.)

„Отвѣтъ на послѣдній вопросъ, который я здѣсь имѣю дать, слѣдующій: „послѣ того, какъ въ Кенигсбергѣ по начатіи дѣла было сдѣлано постановленіе объ арестѣ, согласно предписанію § 130 уст. угол. судпр., по иниціативѣ прусскаго королевскаго вѣдомства юстиціи чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ было увѣдомлено объ этомъ постановленіи императорское россійское правительство. Тогда, императорское россійское правительство —“ (Живыя возраженія со стороны соціалъ-демократовъ.)

„Господа, прусское правительство исполняетъ только свой законный долгъ.“ (Повторенные возраженія со стороны соц.-дем., звонокъ президента.)

Тогда вступается вице-президентъ палаты съ просьбою не перебивать оратора.

Г. Рихтгофенъ продолжаетъ: „Въ исполненіи этого законнаго долга возраженія нѣкоторыхъ гг. депутатовъ ничего измѣнить не могутъ. (Призывы со стороны соц.-дем.) Если Вы позволите, я буду продолжать: Тогда импер. русское правительство предъявило черезъ свое здѣшнее посольство требованіе о наказаніи на основаніи §§ 102 и 103. Это требованіе и было передано со стороны министерства иностр. дѣлъ господину прусскому министру юстиціи . . .“

„Соціалъ-демократическая пресса вдоволь занимается страданіями и жалобами русскихъ революціонеровъ и иностранныхъ анархистовъ (Противорѣчіе со стороны соц.-дем.) и сегодня кромѣ того мы слышали и объ отдѣльныхъ случаяхъ. Это все, однако, утвержденія, которыя еще нуждаются въ доказательствахъ. Такъ напр. безспорно противорѣчило-бы имперскимъ законамъ, если-бы

дѣйствительно, какъ это утверждалъ сначала „Vorwärts“, а затѣмъ и предидущій ораторъ, въ квартирѣ нѣкоего д-ра Вечеслава въ Гермсдорфѣ русскіе агенты при помощи приглашеннаго слесаря взломали замокъ и произвели тамъ родъ домашняго обыска. Этотъ фактъ, естественно, привлекъ наше вниманіе, и гг. прусскіе министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ приказали произвести дознаніе, изъ котораго выяснилось, что къ прокуратурѣ, о которой здѣсь только и можетъ идти рѣчь, не поступало и не имѣется никакихъ жалобъ. А именно были допрошены жена врача Вечеслава и всѣ слесаря въ Гермсдорфѣ, не извѣстно-ли имъ чего нибудь относительно предполагаемаго вторженія въ квартиру. Всѣ эти лица заявили, что они ничего объ этомъ не знаютъ. (Слушайте, слушайте! — справа.) Это единственный случай, когда мы могли произвести слѣдствіе. Если и всѣ остальные случаи такого-же сорта, то большая часть выслушанныхъ нами разсужденій окажется весьма шаткими.

Предшествующій ораторъ еще утверждалъ, что кому-то должна была быть уплочена сумма въ 500 мар. (Возгласы у соц.-дем.) Но истина этого должна быть еще установлена. Шла также рѣчь о подкупахъ почтовыхъ чиновниковъ. Также и объ этомъ мнѣ рѣшительно ничего не извѣстно. Пожалуй, этотъ вопросъ я могу пока отложить, чтобы, вернуться къ этому случаю еще разъ при обсужденіи почтоваго бюджета.

Предшествующій ораторъ очень подробно говорилъ о кёнигсбергскомъ процессѣ . . . Но процессъ самъ по себѣ не принадлежитъ къ этому форуму. Процессъ этотъ еще въ періодѣ заро-

жденія. Все дѣло подлежитъ рѣшенію королевскихъ прусскихъ судовъ, и тогда только можно будетъ говорить о немъ, когда процессъ будетъ оконченъ и передъ нами будутъ на лицо его результаты.

Предшествующій ораторъ замѣтилъ еще, что мы дѣйствовали только изъ желанія угодить Россіи — даже было употреблено выраженіе „услуги любви“. Я охотно объявляю, что мы никоимъ образомъ не намѣрены оказывать содѣйствіе революціоннымъ подданнымъ дружественнаго и сосѣдскаго государства. Мы не имѣемъ никакихъ основаній заявлять о какомъ-бы то ни было участіи къ фанатичнымъ врагамъ существующаго правового строя въ этомъ сосѣднемъ государствѣ. Въ общемъ — это не только въ интересахъ Россіи, но въ общемъ интересѣ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ бороться съ анархическими происками. (Возраженія со стороны соціалъ-демократовъ.) Только на этихъ дняхъ въ Миланѣ было совершено анархистское преступленіе: одинъ капитанъ былъ почти убитъ въ театрѣ. Почему? Потому только, что онъ былъ солдатъ! Вы не можете требовать, чтобы съ такими общеопасными индивидами обращались въ бархатныхъ перчаткахъ. (Возгласы со стороны соціалъ-демократовъ.) Я думаю, что это наша обязанность содѣйствовать съ особеннымъ стараніемъ тому, что такъ отвергаетъ предшествующій ораторъ, а именно: самому тѣсному соприкосновенію полицейскихъ установленій различныхъ сосѣднихъ государствъ. (Совершенно вѣрно! — справа.)

Наконецъ, вопросъ о высылкахъ. Высылки есть дѣло, какъ Вы сами знаете, отдѣльныхъ го-

сударствъ; слѣдовательно объ этомъ и говорить не приходится. Я желалъ-бы объ этомъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ и мы этимъ заняты. Русскихъ анархистовъ невозможно препровождать въ какое-нибудь другое мѣсто, какъ только на русскую границу. Не думаете-ли Вы, что пріемъ высланныхъ русскихъ анархистовъ доставитъ удовольствіе какому-нибудь третьему сосѣднему государству? Ну, господа, что не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, не дѣлай того другому. Мы отклоняемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ препровожденіе такихъ высланныхъ къ намъ и не можемъ ставить въ вину сосѣднимъ государствамъ, что они дѣлаютъ тоже. (Возгласы со стороны соц.-демокр.) Выдачей-же это не является уже потому, что здѣсь не предъявляется никакого требованія о выдачѣ со стороны русскаго правительства". (Возгласы со стороны соц.-дем. Звонокъ президента.)

Вице-президентъ опять принужденъ вмѣшаться и заявляетъ, что онъ слышалъ сей-часъ выраженіе „пфуй", которое парламентски недопустимо.

Баронъ Рихтгофенъ продолжаетъ: „При рѣшеніи такого серьознаго вопроса, какъ вопросъ объ анархистахъ (противорѣчія со стороны соц.-демокр.) никакая сентиментальность съ нашей стороны не у мѣста. Мы захватываемъ этихъ людей, гдѣ они становятся для насъ неудобными, и переправляемъ ихъ черезъ ту границу, которая намъ представляется наиболѣе правильной. (Смѣхъ слѣва.) Если они этого не желаютъ, то пусть они смирно ведутъ себя. Мы не принуждаемъ ихъ, и никто ихъ не принуждаетъ быть анархистами. Если, однако, они желаютъ быть таковыми, то они должны нести и послѣдствія ихъ дѣяній.

(Совершенно вѣрно! — справа.) Это, конечно, очень удобно подобнымъ господамъ пребывать здѣсь, у насъ, гдѣ они, можетъ быть, себя лучше чувствуютъ, чѣмъ въ своемъ собственномъ отечествѣ, и они желаютъ къ тому-же еще носить вѣнецъ политическаго мученичества. Поощрять это мы не имѣемъ никакихъ основаній, и эти господа и, какъ сказалъ предыдущій ораторъ, дамы, — я думаю, дамы даже очень сильно представлены и притомъ въ области свободной любви“ — — (Бурные возгласы среди соц.-демокр., крикъ: „пфуй!“. — Звонокъ президента.)

Президентъ объявляетъ выраженіе „пфуй“ не парламентарнымъ и проситъ о тишинѣ.

Баронъ Рихтгофенъ продолжаетъ: „Предшествующій ораторъ сказалъ, что эти люди приходятъ сюда въ довѣріи къ правамъ гостя и гостепріимству, которыя они могли-бы здѣсь найти. Пусть они лучше этого довѣрія не имѣютъ. Довѣріе къ праву гостепріимства могутъ имѣть только такіе люди, которые намъ пріятны. Анархисты-же для насъ совершенно не пріятны. (Совершенно вѣрно! — справа.) И чѣмъ скорѣе они покинутъ нѣмецкую почву, тѣмъ лучше.

Перейдемъ къ заключенію. Это очень вѣроятно, что эта интерпелляція подвергнется обсужденію. Я уже знаю изъ одной демократической газеты, что при этой интерпелляціи будутъ говорить на проломъ. Ну, въ этомъ родѣ мы уже кое-что слышали. Я, однако, прочелъ также и о судьбѣ этого обсужденія. Какъ пишетъ Берлинская газета: на счетъ того, какъ отнесется большинство рейхстага къ соціалъ-демократической интерпелляціи относительно русскихъ полицейскихъ

шпіоновъ дѣйствительно нечего ожидать. Въ лучшемъ случаѣ будетъ только сказано нѣсколько болѣе или менѣе красивыхъ рѣчей. Никто, конечно, не придетъ къ мысли, что рейхстагъ приметъ единогласно предложеніе относительно изслѣдованія произрожденій политической полиціи; такъ какъ, вѣдь, живемъ мы въ Пруссіи-Германіи.

Да, господа, если такъ плохо живется въ Пруссіи-Германіи, почему-же приходятъ иностранные анархисты черезъ наши границы? Мы однако-же радуемся тому, что живемъ въ Пруссіи-Германіи. Я много бывалъ за границей, и могу Вамъ сказать, нигдѣ лучше на самомъ дѣлѣ не живется! А теперь, господа, принадлежащіе къ большинству, дайте-же интерпелляціи то завершеніе, котораго согласно газетной статьѣ ожидала сама соціалъ-демократія.“ (Браво! — справа.)

Послѣ того, какъ палатой было постановлено перейти къ обсужденію интерпелляціи, депутатъ Бебель, указавъ сначала на возможное практическое значеніе интерпелляціи, поскольку за ней можетъ послѣдовать предложеніе того или другого законопроекта, сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Если должно бороться съ анархистами, то анархисты должны быть прежде всего на лицо. До настоящаго времени, однако, ни г. штатсъ-секретарь, ни прусская полиція или суды не имѣли возможности, доказать хотя-бы въ единомъ единственномъ случаѣ, упомянутомъ моимъ другомъ и товарищемъ по партіи Гаазе, что здѣсь дѣло идетъ объ анархистѣ. (Совершенно вѣрно.) Господа, въ десяткахъ случаевъ, въ которыхъ русскіе студенты и студентки были отягощаемы русскими и прусскими полицейскими чинами, до сихъ

поръ ни въ одномъ случаѣ дѣло не шло объ анархистахъ. (Совершенно вѣрно — у соц.-дем.) Это должно быть установлено, такъ какъ это одно даетъ правильный взглядъ на точку зрѣнія г. штатсъ-секретаря . . . И я прошу г. штатсъ-секретаря доказать мнѣ противное, т. е. доказать, что хоть одинъ изъ тѣхъ русскихъ, которые стали жертвами прусской полиціи, что они были виновны въ анархистскихъ стремленіяхъ. (Совершенно вѣрно у соціалъ-демократовъ.)

Господинъ штатсъ-секретарь обозначилъ какъ одного изъ такихъ анархистовъ доктора Вечеслава, это не вѣрно. Онъ также спеціально указалъ на то, что данныя относительно вторженія въ его квартиру неподтверждены. Я констатирую, что состоящій на русской полицейской службѣ Вольцъ — штуттгартецъ, который продался русской полиціи — совершилъ вмѣстѣ съ господиномъ, титулуемымъ какъ превосходительство, вторженіе въ квартиру доктора Вечеслава послѣ бесѣды въ ресторанѣ Треффа въ Гермсдорфѣ, при чемъ приглашенный за 20 марокъ слесарь не взламывалъ замка, а только отворилъ его при помощи подобраннаго ключа, или отмычки. Докторъ Вечеславъ самъ не могъ быть болѣе допрошенъ въ Пруссіи, такъ какъ непосредственно за этимъ происшествіемъ онъ получилъ указъ слѣдующаго содержанія: „31 Декабря 1903 г. Во исполненіе состоявшаго противъ Васъ постановленія о высылкѣ отъ 20 Августа 1903 г. согласно постановленію Г-на Ландрата отъ 23 с. м. и въ согласіи съ господиномъ президентомъ предписывается Вамъ какъ тягостному иностранцу вмѣстѣ съ Вашей семей самое позжее до 6 Января 1904 г. включи-

тельно покинуть прусскую государственную область, въ противномъ случаѣ послѣдуетъ принудительное препровожденіе Васъ на русскую границу. Подписано: Брандтъ.“ (Слушайте, слушайте! у соц.-демократовъ.) И такъ, человѣкъ, о квартирѣ котораго идетъ дѣло, который самымъ подробнымъ образомъ знаетъ объ этомъ происшествіи, высланъ и уже не въ состояніи дать свое показаніе. Другой вопросъ также о томъ, не показали ли бы и свидѣтели, допрошенные полиціей, совершенно иначе, если бы они допрашивались подъ присягой; а что жена доктора Вечеслава долгое время бывшая больной и послѣ высылки ея мужа оставшаяся одна опасалась дать какія бы то ни было показанія изъ боязни, что для нея изъ этого выйдутъ только большія непріятности — это понятно само собою. (Совершенно вѣрно! Слѣва.) Однако, въ данномъ случаѣ характерно, что въ лицѣ доктора Вечеслава мы отнюдь не имѣемъ анархиста, какъ показываетъ это съ поразительной силой слѣдующее удостовѣреніе, выданное ему императорскимъ россійскимъ генеральнымъ консуломъ; въ немъ написано отъ 13 Нояб. 1903 г.: Русскому подданному, потомственному дворянину Михаилу Георгіевичу Вечеславу съ женою его Антоніей на основаніи выданнаго ему Ньюландскимъ губернаторомъ паспорта отъ 8 Сентября 1896 г. за № 1085, выдается настоящее удостовѣреніе для дальнѣйшаго пребыванія въ Германіи и въ цѣляхъ полученія новаго паспорта. (Слушайте, слушайте! у соц.-дем.)

И такъ, русскій генеральный консулъ выдаетъ разрѣшеніе къ дальнѣйшему пребыванію въ Германіи тому человѣку, котораго прусское правительство выслало изъ Пруссіи. Ну, если когда

нибудь нѣмецкая полиція и имперское правительство оскандалились вплоть до костей, то это именно въ данномъ случаѣ.“ (Бурное одобреніе со стороны соц.-дем. Безпокойство.)

Президентъ заявляетъ, что выраженіе о томъ, что нѣмецкое правительство оскандалилось не должно быть употребляемо. (Одобреніе. Живые возгласы со стороны соц.-дем.) Президентъ угрожаетъ въ случаѣ повторенія этого выраженія примѣнить болѣе строгія мѣры. (Оживленные возгласы среди соціалъ-демократовъ.)

Бебель продолжаетъ: „Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, если бы они могли быть изслѣдованы, выяснились бы подобныя факты, а прежде всего, что ни въ одномъ единственномъ случаѣ дѣло не шло объ анархистахъ. Точно также г. штатсъ-секретарь не далъ никакого отвѣта по поводу обращенія съ русскими студентами, на которыхъ... донесли отсюда русскимъ властямъ, которыхъ выслали, а между тѣмъ варшавскій губернаторъ ... возвратилъ имъ ихъ бумаги и далъ разрѣшеніе продолжать ихъ занятія за границей. Этого, конечно, онъ никогда бы не сдѣлалъ, если-бы эти люди вотъ сколько-нибудь были виновны въ анархистскихъ происках. (Очень хорошо! у соц.-дем.) Послѣ всѣхъ этихъ фактовъ, — какъ можетъ еще г. штатсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ найти мужество такимъ образомъ говорить объ анархистскихъ стремленіяхъ русскихъ студентовъ, какъ дѣлалъ онъ это до сихъ поръ. (Живое одобреніе у соц.-демократ.) Это — заблужденіе, котораго г. штатсъ-секретарь и имперское правительство пали жертвой, а, можетъ быть, и хотѣли пасть жертвой. (Совершенно вѣрно! у соц.-дем.) Это — послѣ всего, что мы знаемъ и должны принять.“

„Я объявляю, что ни въ одной странѣ культурнаго міра не можетъ быть противоставлено ничего подобнаго тѣмъ событіямъ, которыя разыгрались въ послѣдніе мѣсяцы въ германской имперіи. (Совершенно вѣрно! у соц.-дем.) И къ этому еще прямо чудовищное превозглашеніе возврѣній штатсъ-секретаря: того, кого мы удаляемъ изъ страны, посылаемъ мы на ту границу, которая намъ больше всего нравится. (Оживленные крики: слушайте, слушайте! у соц.-дем.) Какъ могъ осмѣлиться современный государственный человѣкъ превозгласить такое варварское положеніе! (Бурное одобреніе у соц.-дем. Безпокойство.) Господа, это варварство, выходящее изъ ряду вонъ! (Большое безпокойство! Оживленное согласіе у соц.-дем.) Это неслыхано, чтобы въ культурномъ государствѣ тѣ люди, которые дѣлаютъ только то, что среди нашихъ границъ считается само собою разумѣющимся, естественнымъ правомъ человѣка, то, что у насъ разрѣшено, а, можетъ быть, запрещено въ Россіи, чтобы эти люди передавались съ умысломъ русскимъ палачамъ для ужасной гибели безъ судебнаго производства въ рудникахъ Сибири или темницахъ Петропавловской крѣпости. (Живое согласіе со стороны соціалъ-демократовъ.)

На этихъ дняхъ въ штуттгартскомъ изданіи появилась книга подъ заглавіемъ: „16 лѣтъ ссылки въ Сибири“, написанная однимъ русскимъ студентомъ, который нѣкогда, а именно въ 1884 г. былъ выданъ баденскимъ правительствомъ Россіи вслѣдствіе предполагаемаго соучастія въ одномъ преступленіи. Господа, я рекомендую Вамъ прочесть эту книгу, тамъ Вы прочтете, что должна пере-

живать русская молодежь за тѣ дѣянія, за которыя въ Германіи можно совершенно остаться нетронутымъ, причемъ здѣсь даже никто не могъ бы понять, какъ можетъ полиція или какія-нибудь власти осмѣлиться дѣлать за это какія либо затрудненія — тамъ Вы увидите, какъ эти люди и женщины, благороднѣйшіе и наилучшіе, какихъ только можетъ дать русскій народъ, закованные въ цѣпи подобно обыкновеннымъ преступникамъ идутъ въ ссылку въ снѣжныя пустыни Сибири и, наконецъ, послѣ отбытія наказанія — въ данномъ случаѣ черезъ 13 лѣтъ — не отпускаются на волю, а переводятся въ другія такъ называемыя отдаленныя мѣстности, гдѣ они и должны провести свою жизнь вдали отъ міра и культуры — если, конечно, тому или другому изъ нихъ не удастся избѣжать русской власти при помощи удачнаго побѣга.

Господа, какъ глубоко пало въ этомъ отношеніи нѣмецкое бюргерство сравнительно съ тѣмъ, что заграницей могутъ приписать нашему отечеству. (Совершенно вѣрно! у соц.-дем.) Читайте такъ-же какъ я Прутцовъ, Гервеговъ, Фрейлигратовъ, Платеновъ, этихъ людей молодой Германіи въ 40 и 50 гг., когда Пруссія въ ихъ глазахъ была ничѣмъ инымъ какъ только русской сатрапіей (Совершенно вѣрно! у соц.-дем.), такъ они тогда объ этомъ судили. И всетаки .... даже Пруссія Фридриха Вильгельма III и IV не пала настолько низко, чтобы согласиться на русское предложеніе и учредить на границѣ съ участіемъ русскаго чиновника особое полицдйское бюро для задержанія польскихъ революціонныхъ изданій. Спрашивается, однако, что теперь въ Россіи не-

революціонно? Еслибъ даже, напримѣръ, самъ господинъ фонъ Лимбургъ-Штирумъ (консерваторъ) говорилъ въ Россіи то, что онъ норою излагаетъ здѣсь въ рейхстагѣ и ландтагѣ, то былъ бы онъ давно уже сосланъ въ Сибирь. (Сильный смѣхъ. Совершенно вѣрно! у соц.-демок.) И не только онъ, но и изо всѣхъ его партійныхъ друзей ни одинъ болѣе не остался бы въ Россіи на свободѣ. (Совершенно вѣрно! у соц.-дем.) Я убѣжденъ, что, если бы эти господа съ правой стороны защищали въ Россіи свои на ихъ взглядъ поврежденные интересы съ тою же самой энергіей, съ которой они постоянно защищаютъ свои интересы здѣсь, то это было бы возможно только при постоянныхъ видакъ на высылку въ Сибирь.“ (Совершенно вѣрно! у соціалъ-демократовъ.)

„Такъ обстоятъ дѣла по правдѣ. Однако, это дѣло русскихъ — какъ поступать въ данномъ случаѣ, но то, что мы травимъ какъ дикихъ звѣрей мущинъ и женщинъ, за которыми абсолютно нельзя усмотрѣть дурного, и которые ведутъ себя какъ совершенно спокойные мирные граждане и посвящаютъ себя научнымъ занятіямъ, что мы гонимъ ихъ изъ страны, губимъ ихъ существованіе и ихъ будущее — это стыдъ и позоръ передъ всѣмъ культурнымъ міромъ. (Оживленное согласіе у соціалъ-демократовъ.) Ни одинъ русскій, пріѣзжающій въ Германію, не избѣгаетъ подозрѣнія, что онъ анархистъ. И разъ уже нашими господами изъ правительства все навострено въ томъ направленіи, что здѣсь дѣло идетъ объ анархистскихъ стремленіяхъ — что можетъ быть естественнѣе и логичнѣе, что русскіе шпіоны и полиціанты, толпами находящіеся у насъ въ странѣ,

говорятъ нѣмецкой полиціи: вотъ, это анархистъ, который подозрѣвается въ анархистскихъ стремленіяхъ. (Совершенно вѣрно! у соціалъ-демократовъ.) Господа, не чувствуете ли вы, какую по истинѣ жалкую роль играетъ наша полиція по отношеніи къ русской! (Совершенно вѣрно! у соціалъ-демократовъ.) Нѣмецкіе полицейскіе не понимаютъ русскаго языка, они не могутъ читать русскихъ изданій, они не знаютъ никого въ лицо, они, такимъ образомъ, цѣликомъ препоручены русскимъ полиціантамъ. Русское правительство считаетъ возможнымъ подъ начальствомъ высокаго чина, получающаго 36000 марокъ содержанія — жалованье прусскаго министра — учредить здѣсь громадное полицейское бюро; десятки, а, можетъ быть, сотни его полицейскихъ чиновниковъ работаютъ въ Германіи и не только здѣсь въ Берлинѣ и окрестностяхъ, но также и въ Лейпцигѣ, Дармштадтѣ, Штутгартѣ, Мюнхенѣ, Ганноверѣ, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ только собираются русскіе для ученія въ университетѣ, академіи или политехникумѣ. Тамъ также дѣйствуютъ и русскіе полиціанты, которые совершенно по своему произволу освѣдомляютъ нѣмецкихъ полицейскихъ чиновниковъ и направляютъ ихъ, такъ что и на самомъ дѣлѣ нѣмецкіе полицейскіе являются ничѣмъ инымъ, какъ жалкимъ орудіемъ русской полиціи. (Совершенно вѣрно! у соціалъ-демократовъ.) Что при этомъ, какъ и вообще Россія имѣетъ обыкновеніе дѣйствовать за границей, также и русскій рубль играетъ свою большую роль — не подлежитъ для меня ни малѣйшему сомнѣнію . . . Господа, я думаю, что всѣ вы имѣете величайшій интересъ позаботиться о томъ, чтобы тѣ несчастные соотече-

ственники, которые продаются заграницѣ за постыдную плату для того, чтобы предавать людей не сдѣлавшихъ ничего дурного — не были болѣе жертвами подобныхъ искушеній. (Совершенно вѣрно! Слѣва.) Господа, вамъ показали, какъ выдавались находимыя здѣсь бумаги русской полиціи, какъ русскимъ властямъ было сообщено найденное среди нихъ имя, а вслѣдствіе этого и значительный русскій чиновникъ былъ сосланъ въ Сибирь. Господа, еслибы нѣмецкія власти, нѣмецкое правительство имѣли бы хоть капельку чувства человѣчности въ своей груди, они не могли бы приложить свою руку къ такимъ поступкамъ, къ такимъ дѣяніямъ. (Совершенно вѣрно! у соціалъ-демократовъ.) Я стыдился бы до послѣдняго моего издыханія въ своей душѣ, еслибы когда-нибудь я долженъ былъ себѣ сказать: ты, по своей неосторожности, способствовалъ тому, чтобы человѣка выслали въ Сибирь. (Совершенно вѣрно! у соц.-демократовъ.) Однако, съ согласія господина штатсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ великая, могучая христіанская Германская Имперія считаетъ государственнымъ правиломъ выдавать Россіи для ссылки въ Сибирь тѣхъ невинныхъ людей, которые такъ плачевно заподозрѣны.“ (Очень хорошо! у соціалъ-демократовъ.)

„Вамъ показали далѣе, господа, даже на отдѣльныхъ случаяхъ, напримѣръ, на случаяхъ Герберта, какъ полиція поддѣлываетъ документы, я могу вамъ сообщить еще другой случай: 24 Ноября въ поискахъ за русскими изданіями былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ и мастерской рабочаго Э. въ Шарлоттенбургѣ, ничего не было найдено; послѣ этого рабочій былъ отведенъ въ

шарлоттенбургскую полицію, тамъ ему были предъявлены 2 письма, которыя онъ будто бы написалъ, а между ними одно нашему товарищу Брауну въ Кенигсбергъ, тому самому, который въ субботу, послѣ 10 недѣльнаго заключенія выпущенъ на свободу; на это рабочій объявилъ, что этихъ писемъ, подписанныхъ его именемъ, онъ не писалъ. (Слушайте, слушайте! у соціалъ-демократовъ.) И когда ему не повѣрили, онъ сказалъ соотвѣтственному чиновнику — здѣсь дѣло шло о человѣкѣ, который уже во времена законовъ о соціалистахъ хорошо изучилъ вещи — Вы не должны этому удивляться, во время процессовъ о соціалистахъ очень часто случалось, что чиновники поддѣлывали подписи, чтобы бѣдныхъ людей заманить въ западню! Тогда полиц. инспекторъ разгнѣвался и сталъ угрожать: берегитесь, или иначе я Васъ сей-часъ-же арестую. Послѣ этого рабочій долженъ былъ переписать оба письма; при этомъ ему были предъявлены еще два другихъ письма, которыя онъ отправилъ своей женѣ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что надъ нимъ установлена цензура писемъ. Тогда былъ приглашенъ экспертъ, который и установилъ совершенно положительно, что предъявленныя ему письма были написаны не имъ. (Слушайте, слушайте! у соціалъ-демократовъ.)

Таковы опять таки результаты доносовъ состоящаго на русской службѣ мошенника. Я думаю, это — положеніе вещей, котораго не можетъ допустить ни германская имперія, ни германскій рейхстагъ. Это совершенно исключительное безобразіе, котораго еще не обсуждалъ ни одинъ парламентъ міра. (Совершенно вѣрно! — у со-

ціалъ-демократовъ.) Есть и въ Парижѣ русскій чиновникъ и въ Лондонѣ. Имя послѣдняго . . . я называлъ. Есть такой чиновникъ и въ Италіи; но когда по доносу русскаго шпіона итальянское правительство арестовало русскаго Гоца и предполагало его выдать Россіи, то черезъ печать всѣхъ партій прошла такая буря негодованія, что итальянское правительство не осмѣлилось совершить выдачу. (Слушайте, слушайте! — у соціалъ-демократовъ.) Такъ поступаютъ другія государства въ противоположность Германіи. Само собою разумѣется, что, чѣмъ уступчивѣе мы становимся по отношенію Россіи, тѣмъ безстыднѣе и наглѣе становятся русскія требованія. (Совершенно вѣрно! — у соціалъ-демократовъ.) Это вполнѣ понятно. И въ то время, какъ ни одно единственное правительство не соглашается оказывать Россіи такія любовныя услуги — по выраженію самого г. штатсъ-секретаря — германское правительство и германская имперія готовы вполнѣ стать чистильщиками сапогъ у батюшки-царя". (Живое одобреніе слѣва. Безпокойство справа. Звонокъ президента.)

Президентъ призываетъ оратора къ порядку. (Одобреніе.)

Бебель, упомянувъ далѣе о газетныхъ извѣстіяхъ, въ силу которыхъ въ скоромъ времени должны состояться обыски у всѣхъ находящихся заграницей и пребывающихъ въ сосѣднихъ государствахъ русскихъ либераловъ, останавливается на фактѣ послѣдняго обыска въ редакціи русской заграничной либеральной газеты (Освобожденіе) и предлагаетъ иронически выдать Россіи и всѣ тѣ адреса генераловъ, князей и тому подобныхъ вы-

сокихъ особъ, на имена которыхъ были адресованы захваченные полиціей въ экспедиціи журнала послѣдніе номера его.

Наконецъ Бебель переходитъ къ вопросу о томъ, какъ Россія относится къ германскимъ подданнымъ, пребывающимъ на ея территоріи, здѣсь онъ указываетъ во первыхъ на тотъ фактъ, что всѣ иностранцы, въ особенности-же военные и консульскіе агенты находятся въ Россіи согласно оффиціальнымъ даннымъ подъ постояннымъ полицейскимъ надзоромъ, а во-вторыхъ на то, что въ отличіе отъ подданныхъ всѣхъ другихъ державъ, именно по отношенію къ нѣмецкимъ гражданамъ, Россія дѣлаетъ весьма серьозныя ограниченія и позволяетъ себѣ или совершенно не пускать къ себѣ пѣмцевъ еврейскаго исповѣданія, или же пускать ихъ только въ видѣ особаго каждый разъ исключенія. „И если“, сказалъ Бебель: „германская имперія позволяетъ себѣ терпѣть подобныя вещи и не считаетъ сообразнымъ со своимъ достоинствомъ протестовать противъ подобнаго поведенія и не стремится устранить такое оскорбленіе своихъ подданныхъ, то это точно также въ высшей степени характеристично для нашихъ условій. (Очень хорошо! у соціалъ-демократовъ и совершенно вѣрно! — слѣва.) Это опять таки знакъ того, насколько мы предупредительны, насколько мы уступчивы, не смотря на всѣ наши красивыя слова о нѣмецкой крѣпости, нѣмецкой силѣ и нѣмецкомъ достоинствѣ. (Очень хорошо! у соціалъ-демократовъ.) Господа, мы здѣсь опять таки имѣемъ всѣ причины также и въ этомъ отношеніи стыдиться передъ заграницей. И говорю вамъ, пусть-бы попробовали въ Россіи такъ встрѣтить

англійскаго еврея, какъ встрѣчаютъ тамъ нѣмецкаго, вы бы тогда увидѣли, какую ноту отослало бы въ этомъ случаѣ въ Россію англійское министерство иностранныхъ дѣлъ! (Совершенно вѣрно! — слѣва.) У насъ, однако, этого не случается; мы покоряемся, мы унижаемся, мы ползаемъ передъ Россіей.“ (Оживленные крики: „совершенно вѣрно“ — у соціалъ-демократовъ.)

„Господа, нѣсколько дней тому назадъ имперскій канцлеръ заключилъ свою рѣчь въ прусской палатѣ господъ словами: впереди Пруссіи — король, впереди Германіи — Пруссія, а впереди всего міра — Германія. (Смѣхъ у соціалъ-демократовъ.) Въ какомъ-же отношеніи Германія впереди всѣхъ? Въ ползаніи взапуски передъ Россіей. (Живое согласіе у соціалъ-демократовъ.) Да, въ этомъ мы идемъ впереди всѣхъ. Также характерно, что эта фраза произнесена въ одномъ изъ самыхъ отсталыхъ учрежденій народнаго представительства, или скорѣе не учрежденій представительства, а парламентарныхъ корпорацій, какія только знаетъ міръ. Господа, мы имѣемъ всѣ основанія произвести у насъ коренныя перемѣны, если мы хотимъ, чтобы весь міръ слѣдовалъ за Германіей. Сегодня-же наши обстоятельства находятся въ такомъ положеніи, что всякій, у кого только есть чувство человѣчности въ груди, возмущается тѣмъ обращеніемъ, которое мы позволяемъ по отношенію къ себѣ со стороны Россіи; и онъ питаетъ по отношенію къ Германіи совсѣмъ другія чувства — изъ парламентарныхъ соображеній я не назову ихъ —, но менѣе всего можетъ онъ желать, чтобы Германія шла впереди міра. Германія и здѣсь, какъ во многихъ другихъ ве-

цахъ, идетъ, къ сожалѣнію, скорѣе позади другихъ, но никакъ не впереди.“ (Живое одобреніе со стороны соціалъ-демократовъ.)

Послѣ этого слово было предоставлено депутату Шрадеру (свободомысл. соединенія), который и сказалъ: „Господа, вопросы, которые касаются права и безопасности въ Германіи ... въ этой палатѣ не могутъ быть вопросами партій .... Я думаю, что это дѣло всѣхъ партій занять опредѣленное положеніе по отношенію къ тому, что мы здѣсь сегодня слышали и надѣюсь въ критическомъ смыслѣ. Однако, я желаю самое дѣло ввести въ болѣе спокойное русло и я надѣюсь, что съ другой стороны важныя и основательныя возраженія, которыя сдѣланы противъ выводовъ г. штатсъ-секретаря, будутъ оцѣнены и, насколько нужно отвергнуты.

Мы знаемъ, что въ Германіи находится высокій русскій чиновникъ съ цѣлью слѣдить изъ политическихъ видовъ за находящимися здѣсь русскими; положимъ, этотъ чиновникъ будучи прокомандированъ къ посольству, не можетъ быть нами отвергнутъ, кто, однако, даетъ этому высокому чиновнику право держать около себя цѣлый штабъ людей, которые портятъ все дѣло нашей полиціи, людей, относительно которыхъ постоянно говорятъ, что они являются сомнительными джентельмэнами? Для людей тайной полиціи очень трудно быть честными и правомѣрными людьми; ихъ ремесло приноситъ съ собою необходимость кое что дѣлать, что недостойно честнаго человѣка; они должны, во что-бы то ни стало дѣлать открытія, и я ни одной минуты не сомнѣваюсь, что они при этомъ пользуются тѣми средствами, о которыхъ было

говорено гг. Гаазе и Бебелемъ. (Совершенно вѣрно! Слѣва.) Я не буду входить въ подробности и не могу судить о нихъ, думаю, однако, что задачей позднѣйшаго обсужденія будетъ разъяснять эти подробности. И если г. штатсъ-секретарь не въ состояніи этого дѣлать, то мы вѣдь имѣемъ имперскаго штатсъ-секретаря юстиціи, а въ союзномъ совѣтѣ и прусскаго министра юстиціи, и если бы я былъ на ихъ мѣстѣ, и на прусскую юстицію были бы сдѣланы такія нападенія, то я воспользовался бы первымъ подходящимъ днемъ, чтобы оправдать ее. (Совершенно вѣрно! Слѣва.)

Такъ какъ здѣсь имѣется цѣлая система для надзора за всякимъ русскимъ, котораго не считаютъ абсолютно благонадежнымъ, то дѣло складывается такъ: если хотятъ узнать что-нибудь о какомъ-нибудь русскомъ, то должны вмѣстѣ съ тѣмъ надзирать и за нѣмцами, съ которыми онъ обращается, и, такимъ образомъ, тѣ люди, у которыхъ есть дѣла съ русскими, подпадаютъ опасности, что ихъ тоже будутъ выслѣживать русскіе шпіоны, а при случаѣ донесутъ на нихъ нашей полиціи. (Совершенно вѣрно! Слѣва.)

Ужъ если желать оказывать услуги чужому правительству и помогать ему наблюдать за тѣми его подданными, которые, можетъ быть, совершаютъ преступленіе противъ Россіи, такъ пусть уже тогда г. совѣтникъ посольства или кто онъ тамъ такой дѣлаетъ сообщенія нашей полиціи: здѣсь де имѣются такіе и сякіе люди, то и сѣ сообщаютъ мнѣ изъ Россіи, наблюдайте за ними и дѣйствуйте противъ нихъ такъ, какъ это предписываетъ ваша нѣмецкая юстиція. (Очень хорошо! Слѣва.)

Это самое меньшее, что мы можемъ ожидать, если ужъ проявлять высшую степень любезности по отношенію къ другому государству, но это другое государство не должно предпринимать у насъ никакихъ полицейскихъ мѣропріятій; и если, дѣйствительно, наша собственная полиція такимъ образомъ прислуживаетъ русской полиціи, какъ это было здѣсь изображено, то она заслуживаетъ строжайшаго порицанія, и г. министръ внутреннихъ дѣлъ Пруссіи долженъ, со своей стороны, принять мѣры противъ этого.

Теперь говорятъ намъ, все это происходитъ во всеобщемъ интересѣ европейскихъ державъ противъ анархизма. Но одно ясно: тотъ анархизмъ, который такъ называется съ русской стороны, есть въ громадной части совсѣмъ не тотъ анархизмъ, который могъ бы быть преслѣдуемъ въ Германіи; „анархистъ“ въ Россіи, это всякій тотъ, кто не доволенъ тамошними условіями (Совершенно вѣрно! Слѣва) и кто тѣмъ или другимъ путемъ выразился въ этомъ духѣ, или составляетъ сочиненіе противъ тамошнихъ условій или просто читаетъ ихъ. (Совершенно вѣрно! Слѣва.) Господа, въ моей библіотекѣ есть нѣкоторыя книги, и если бы стало извѣстнымъ, что какой-нибудь русскій читаетъ ихъ, онъ, по всей вѣроятности, подпалъ бы самымъ сильнымъ подозрѣніямъ — я говорю здѣсь, само-собою, о серіозно написанныхъ и основательныхъ изображеніяхъ русскихъ условій — вы знаете, господа — настолько всѣ вы по всей вѣроятности освѣдомлены —, что въ Россіи царятъ условія, которыя несравнимы съ таковыми же другихъ цивилизованныхъ странъ, что тамъ существуютъ политическія теченія и необходимо

должны существовать, которыя направляются противъ современной русской формы правленія, противъ обращенія съ законами, противъ самихъ законовъ и противъ тѣхъ печальныхъ условій, которыя терпятся русскимъ правительствомъ въ большей части Россійской Имперіи; въ Россіи очень часто именно дворяне и помѣщики оказываютъ подолгу и совѣсти оппозицію русскому правительству, такъ какъ видятъ, какимъ путемъ русское правительство водворяетъ въ собственной странѣ условія, ведущія къ постепенному изголоданію народа.

А теперь, господа, одинъ примѣръ, извѣстный европейскій примѣръ того, что въ Россіи законъ и право соблюдаются не такъ, какъ у насъ, представляетъ Финляндія. (Совершенно вѣрно! Слѣва.) Страна, которая, какъ извѣстно, была единственной въ Россіи, гдѣ царь могъ пребывать безъ опасности покушеній, теперь, благодаря нарушенію своей конституціи, конституціи, на которой присягали всѣ русскіе цари, теперь повержена въ самое печальное состояніе, конституція у нея отнята, право и справедливость не царятъ въ Финляндіи больше, а многіе изъ самыхъ выдающихся людей Финляндіи находятся теперь заграницей въ изгнаніи. (Совершенно вѣрно! Слѣва.) И эти люди, еслибъ они были здѣсь, были бы подъ наблюденіемъ русскихъ шпіоновъ, люди, быть знакомымъ съ которыми, было бы для насъ честью! (Очень хорошо! Слѣва.)

Мы не имѣемъ никакихъ основаній поощрять русскую полицейскую службу въ нашей странѣ, чтобъ, такимъ образомъ, были выслѣживаемы русскіе, которые подозрѣваются въ томъ, что они

недоволѣны русскимъ правительствомъ и русскими условіями; и менѣе всего мы имѣемъ причины выдавать кого-нибудь Россіи, будь это русскій или подданный другой національности, разъ онъ стоитъ подъ подозрѣніемъ, что онъ политически неблагонадеженъ; всякій, кто знаетъ договоръ съ Россіей о выдачѣ, который заключенъ не Германской Имперіей, а Пруссіей, будетъ пораженъ той степенью предупредительности, которую проявила Пруссія, а къ сожалѣнію, и Баварія по отношенію къ Россіи. Договоръ о выдачѣ постановляетъ собственно, что всякій, кого только не пожелаетъ Россія, будетъ ей выданъ. (Слушайте, слушайте! Слѣва.) Этотъ договоръ былъ предложенъ рейхстагу въ 1884 г., однако же было сразу видно, что этотъ договоръ не будетъ принятъ .... и прусское правительство заключило его въ одиночку съ Россіей. Теперь, господа, и этотъ договоръ представляется многимъ недостаточнымъ. (Слушайте, слушайте! Слѣва.) И тамъ, гдѣ нельзя выдать, прямо высылаютъ въ Россію ... При выдачѣ, всетаки, нужно соблюсти извѣстное производство и въ немъ участвуютъ высшія учрежденія государства; высылку же могутъ произвести и подчиненныя власти, такъ оно и происходитъ. (Совершенно вѣрно! Слѣва.) Какъ очевидно здѣсь не имѣется достаточнаго обезпеченія права."

„Г. штатсъ-секретарь имѣетъ основаніе, когда говоритъ о высылкѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на родину; такъ высылаютъ, обыкновенно, бродягъ, но когда высылаютъ въ Россію кого-нибудь, кто стоитъ подъ подозрѣніемъ, что онъ совершилъ что-нибудь противъ Россіи, то такая высылка на русскую границу является прямо выдачей. (Совер-

менно вѣрно! Слѣва.) Одинъ изъ нашихъ выдающихся учителей международнаго права выразился совершенно положительно, что не только недопустимо, но прямо стыдно производить такія высылки, которыя въ результатѣ передаютъ человѣка юстиціи, которая по нашимъ понятіямъ является отрицаніемъ ея. (Совершенно вѣрно! Слѣва.)

Юстиція должна совершаться не только въ упорядоченномъ производствѣ, но и давать гарантію, что въ немъ дѣйствуютъ по праву и справедливости. Господа, насколько существуетъ тамъ судебный порядокъ, это видѣли всѣ мы на кишиневскомъ процессѣ. (Совершенно вѣрно! Слѣва.) Какъ мало было соблюдено право на такомъ процессѣ, который былъ извѣстенъ всему міру, а слѣдовательно при случаѣ, въ которомъ должно было ужъ нѣсколько поостеречься; а рядомъ съ этимъ власть полиціи и административныхъ учрежденій тамъ въ достаточной степени широка; и того, кого мы передаемъ Россіи, мы выдаемъ такому производству, которое, по нашимъ понятіямъ, абсолютно невозможно. (Совершенно вѣрно! Слѣва.)

Господа, можно бы, пожалуй, сказать: вѣдь это же не нѣмцы, которыхъ мы выдаемъ —, какое дѣло намъ до иностранцевъ, русскихъ или, можетъ быть, подданныхъ другой націи? — Но и иностранцы тоже — люди, и первый долгъ нашъ съ людьми обращаться по человѣчески (Очень хорошо! Слѣва), а это безчеловѣчно выдавать кого-нибудь такому судебному и административному производству, о которомъ съ точностью знаемъ, что оно не только не будетъ справедливымъ, но отъ котораго скорѣе всего можно ожидать, что оно весьма легко отбросить справедливость, именно по отношенію къ этимъ людямъ.

Въ виду всѣхъ этихъ основаній я сожалѣю, что г. штатсъ-секретарь прямо защищалъ нарисованную намъ здѣсь систему, я предполагаю, что, очевидно, онъ не освѣдомленъ въ такой степени, въ какой это нужно бы; что онъ не имѣетъ полнаго знакомства со всѣми этими вещами по даннымъ прусской юстиціи и прусскаго управленія, по должности онъ и не обязанъ знать этого; однако, я думаю, что теперь онъ постарается ознакомиться съ этимъ . . . и позаботится, чтобы для оправданія нашего поведенія выступили также и прусскія власти и изложили бы намъ, такъ ли теперь осуществляется правда и справедливость, какъ это должно быть въ германской имперіи . . . Я обращаюсь съ самой настоятельной просьбой . . чтобы это состояніе было устранено! Самое лучшее, еслибъ мы могли сказать: результатомъ этого засѣданія было то, что русскій полицейскій шпіонъ исчезъ изъ Германіи, и что мы больше не выдаемъ людей русской юстиціи, гдѣ мы къ этому по необходимости не обязаны.

. . . . Съ другой стороны, еслибъ мы основательно пересмотрѣли наше уголовное уложеніе и тѣ преступленія противъ иностранныхъ государствъ, которыя тамъ установлены (Совершенно вѣрно! слѣва), то мы бы нашли, что оно выходитъ изъ предположенія, что приблизительно во всѣхъ европейскихъ государствахъ поступаютъ по праву и справедливости: о Россіи я уже говорилъ; прошу теперь вспомнить, что по нашему уложенію всѣ оскорбленія иностранныхъ государей также наказуемы и могутъ быть преслѣдуемы, пока эти государства мы считаемъ дружественными, и въ нихъ находятся наши послы. Если мы возьмемъ,

однако, исторію послѣдняго времени, то не можемъ не видѣть, что по адресу нѣкоторыхъ иностранныхъ суверeновъ тоже могли быть сказаны оскорбительныя слова. Прошу только взглянуть Васъ на Балканскій полуостровъ . . . . гдѣ въ Сербіи долгое время были наши послы, а слѣдовательно сербскій король былъ защищенъ нашимъ закономъ противъ всякого оскорбленія, это . . . слишкомъ далеко идущее уравненіе чужихъ условій жизни съ нашими, и тутъ дѣло идетъ о нашихъ согражданахъ, которыхъ мы преслѣдуемъ за подобные проступки. Объ этомъ послѣ. Теперь же настоятельно прошу или создать нѣкоторую перемѣну или доказать, что все здѣсь сказанное неосновательно, и что мы напрасно взволновались, послѣднее для меня было бы самымъ пріятнымъ.“ (Живое одобреніе слѣва.)

Слово предоставлено доктору Шпану (Центръ), который сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Несмотря на то, что г. штатсъ-секретарь говорилъ только объ одномъ русскомъ чиновникѣ для наблюденія за русскими анархистами, какъ можно заключить изъ всего сказаннаго, русскій шпіонажъ очень распространенъ въ Германіи, если это такъ, то подобно тому, какъ русскій совѣтникъ посольства обязанъ слѣдить за анархистами, такъ обязаны и мы позаботиться о высылкѣ этихъ тягостныхъ для насъ агентовъ и, если они совершаютъ все то, что разсказано — подробности могутъ быть и невѣрны —, то желательно было бы, чтобы штатсъ-секретарь не удовлетворился бы простымъ отвѣтомъ, „что де канцлеру объ этомъ ничего неизвѣстно.“

„Г. штатсъ-секретарь не считаетъ вопроса

подлежащимъ компетенціи имперіи; по моему, это совершенно наоборотъ (Совершенно вѣрно! слѣва); дѣло идетъ о правѣ иностранцевъ, и хотя это право не урегулировано имперскимъ закономъ, однако, во всѣхъ культурныхъ государствахъ оно развивается путемъ обычая, и я думаю, что въ Германской имперіи мы высоко цѣнимъ право чужеземцевъ, не смотря на то, содержатся ли объ этомъ постановленія въ нашихъ отдѣльныхъ государствахъ; и если теперь русскому правительству пріятно, что русскіе подданные выдаются ему или высылаются Германіей, то могутъ прійти времена, когда это имъ будетъ очень мало пріятно. Внѣшняя политика дѣло не отдѣльныхъ государствъ, а имперіи, политика отдѣльныхъ государствъ можетъ только создать для нея затрудненія."

Къ упрекамъ, которые сдѣлали гг. депутаты Шрадеръ и Гаазе противъ прусской юстиціи, докторъ Шпанъ не можетъ присоединиться, также не можетъ онъ найти какія либо неправильности прокуратуры въ дѣйствіяхъ по кёнигсбергскому вопросу; по нѣмецкимъ законамъ также наказуемы преступленія противъ иностраннаго государства, какъ и своего, но за то г. Шпанъ вполнѣ присоединяется къ предшествующимъ ораторамъ по вопросу относительно полиціи. „Я думаю," говоритъ онъ, „въ этомъ отношеніи мы должны бы быть единомышлены, и г. канцлеръ не можетъ уклоняться отъ того нашего воззрѣнія, что русская полиція не должна дѣлать никакихъ наблюденій и не производить никакихъ обысковъ надъ германскими подданными, даже при помощи нѣмецкой полиціи; точно также считаю я совершенно исключеннымъ, чтобы нѣмецкая полиція могла дѣлать

наблюденія надъ нѣмцами при помощи русскихъ полицейскихъ органовъ; конечно, могутъ быть совершенно особые случаи, когда нѣмецкая полиція можетъ обратиться къ иностранному полицейскому чиновнику затѣмъ, чтобы выяснить какое-нибудь преступное дѣяніе, какъ напримѣръ, въ цѣляхъ выясненія личности . . . однако, тутъ должно идти дѣло только о лицахъ, которыя совершили у насъ или заграницей дѣяніе, наказуемое только на германской территоріи, и которыя не являются нѣмцами. Однако, и относительно иностранцевъ все это — только въ предѣлахъ дѣятельности, которую нѣмецкія власти осуществляютъ на основаніи нѣмецкихъ законовъ или во исполненіе условленной по договору правовой помощи иностранной державѣ. Тамъ, однако, гдѣ иностранная полиція не должна вмѣшиваться, тамъ и наша полиція не должна принимать отъ нея предписаній насчетъ того, что для нея нужно дѣлать. (Совершенно вѣрно! Слѣва и въ серединѣ). Иностранецъ, правда, не пользуется защитой нашихъ законовъ, однако, тѣ культурныя воззрѣнія, которыя заложены въ нашихъ конституціяхъ, ихъ мы должны соблюдать и по отношенію къ иностранцу. (Совершенно вѣрно! Слѣва и въ серединѣ). И если онъ не имѣетъ никакого правового притязанія по отношенію къ нашему государству, то на государствѣ лежитъ, все-таки, долгъ по отношенію къ своей части, своему достоинству и тѣхъ всеобщихъ воззрѣній! (Совершенно вѣрно! Слѣва и въ серединѣ). Въ томъ должны быть мы едины, что установленныя культурныя воззрѣнія мы поддержимъ также и по отношенію къ иностранцамъ.

Если анархистъ въ томъ смыслѣ, который

опредѣленъ для насъ уголовнымъ уложеніемъ, — а это и есть основа всѣхъ нашихъ мѣропріятій, — совершаетъ здѣсь или тамъ преступное дѣяніе, то полиція должна вступиться; тогда ничего нельзя возразить противъ дѣйствія нѣмецкихъ властей по отношенію къ иностранцамъ . . . Однако, здѣсь я долженъ установить, что опредѣляющимъ для сужденія о такомъ преступномъ дѣяніи должно оставаться наше право, какъ оно примѣняется въ имперіи къ нашимъ собственнымъ подданнымъ, и это — если даже иностранецъ не имѣетъ правового притязанія на обращеніе съ нимъ по нашему праву.

По вопросу о русскихъ студентахъ г. Шпанъ находитъ, что если все такъ произошло, какъ разсказалъ это г. Гаазе, то дѣйствительно, нѣмецкія власти съиграли совершенно своеобразную роль. (Совершенно вѣрно! слѣва и въ серединѣ). По вопросу о выдачѣ и о высылкѣ на русскую границу ораторъ находитъ, что выдача можетъ совершаться на основаніи договора и въ силу извѣстнаго требованія Россіи. Высылка на родину допустима только въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ дѣло о совершенно неимущихъ иностранцахъ, которымъ нечѣмъ существовать — иныя высылки недопустимы! И менѣе всего имъ можетъ служить оправданіемъ то указаніе г. штатсъ-секретаря на то всеобщее нежеланіе принимать анархистовъ, которое было сдѣлано раньше. Страна, нежелающая анархистовъ, можетъ ихъ выслать также и отъ себя; но тѣмъ высылаемымъ, которые обладаютъ средствами, должна быть предоставлена полная свобода выѣзжать на ту границу, которая имъ нравится. (Совершенно вѣрно! слѣва и въ серединѣ).

Г. Шпанъ считаетъ допустимыми далѣе обыскъ

и личное задержаніе тягостныхъ иностранцевъ — въ качествѣ чисто полицейскихъ мѣръ; онъ порицаетъ, однако, такой арестъ, который предпринимается съ исключительной цѣлью собрать противъ иностранца какія нибудь основанія для его заподозриванія. (Совершенно вѣрно!)

Г. Шпанъ заключаетъ свою рѣчь желаніемъ, чтобы вопросы о правѣ чужеземцевъ не относились исключительно къ компетенціи отдѣльныхъ государствъ, но вносились на разсмотрѣніе рейхстага. (Оживленное браво и рукоплесканія).

Президентъ заявляетъ, что не въ обычаѣ нѣмецкаго рейхстага хлопать браво, но только кричать. (Смѣхъ).

Затѣмъ говоритъ фонъ-Норманъ (консерват.). Господа, не лежало въ нашемъ намѣреніи участвовать въ обсужденіи сегодняшней интерпеляціи, я долженъ однако объявить, во имя моихъ политическихъ друзей, что мы совершенно солидарны съ отвѣтомъ г. штатсъ-секретаря. (Живые возгласы со стороны соц.-дем.). Совершенно согласны, и только можемъ просить соединенныя правителъства и г. штатсъ-секретаря продолжать, идти по прежнему пути. (Оживленное браво справа. Бурные возгласы со стороны соц.-дем.)

Президентъ предоставляетъ слово доктору Мюллеру изъ Сагана (свободом. народная партія), который говоритъ слѣдующее: „Господа, нисколько не удивительно, что господа съ крайней правой совершенно солидарны съ отвѣтомъ г. штатсъ-секретаря; я думаю, что можно тѣмъ выразить ихъ ощущенія, что для нихъ было бы пріятнѣе всего, если бы у насъ тоже водворились русскіе порядки. (Очень хорошо! слѣва. Охо! справа). Послѣ сообщеній, кото-

рыя сдѣланы намъ господами съ крайней лѣвой и того отношенія къ нимъ, которое мы видѣли со стороны г. штатсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, мы, само собою, должны опасаться, что мы находимся на самомъ вѣрномъ пути къ тому, чтобъ заполучить къ себѣ русскія условія. (Совершенно вѣрно! слѣва).

Чувство глубокаго отвращенія должно уже теперь охватить каждаго свободно-настроеннаго нѣмца, когда здѣсь безъ противорѣчія со стороны правительства сообщалось о томъ, что русскій шпіонажъ установленъ внутри границъ нашей имперіи; дать выраженіе этому чувству глубочайшаго отвращенія, даже въ этотъ поздній часъ было для меня внутренней нравственной потребностью! Живое браво слѣва).

Впрочемъ, думаю я, если можетъ быть и могъ г. штатсъ-секретарь прибѣгнуть къ своей некомпетентности по отношенію къ обвиненіямъ, направленнымъ прежде всего противъ прусской полиціи, то его обязанностью — я думаю даже его настоятельной обязанностью — было ближе войти въ тѣ соображенія коллеги Бебеля, которыя относились къ обращенію, или правильнѣе сказать, къ дурному обращенію съ нѣмецкими комми-вояжёрами еврейскаго исповѣданія въ россійской имперіи. (Очень хорошо! слѣва). И это тѣмъ болѣе, что мы теперь какъ разъ ведемъ торговые переговоры съ Россіей. Какую цѣну можетъ имѣть торговый договоръ съ Россіей, если подъ тарифныя обязательства, которыя будутъ сдѣланы по отношенію къ намъ этимъ сосѣднимъ государствомъ, будетъ подставлено фактическое стѣсненіе торговыхъ отношеній, дѣлающее ихъ совершерно иллюзорными, такъ какъ они

могутъ быть поддержаны только путемъ отсылки дѣльныхъ прикащиковъ. Изъ оффиціальныхъ документовъ, которые у меня въ рукахъ, можно, напримѣръ видѣть, что въ области казацкаго войска, даже не русское правительство, какъ таковое, а просто казацкій генералъ или вѣрнѣе главное управленіе казацкаго войска самодержавно рѣшаетъ вопросъ о томъ, могутъ ли наши комми-вояжёры хотя бы временно и со всѣми обычными русскими стѣсненіями пребывать въ Ростовскомъ округѣ. (Совершенно вѣрно! слѣва). По этому вопросу у меня собранъ большой матеріалъ, но сегодня вечеромъ я не могу больше занимать имъ вниманія палаты, я къ нему вернусь въ другой разъ. Однако, сегодня, я хотѣлъ бы просить г. штатсъ-секретаря обратить самое интенсивное вниманіе на этотъ вопросъ объ обращеніи съ нѣмецкими комми-вояжёрами еврейскаго исповѣданія въ Россіи, такъ какъ это не вопросъ исповѣданія, или религіи, но вопросъ о достоинствѣ Германской имперіи!...“ (Браво слѣва).

Слово предоставляется депутату доктору Сатлеру (нац.-либералъ). „Я только хочу вкратцѣ объявить, что, по моему воззрѣнію, какъ. г. депутатъ Шпанъ совершенно справедливо утверждалъ, изъ всего производства слѣдуетъ, что нѣкоторые отдѣльные случаи должны быть разъяснены. Иначе мы не имѣемъ никакого матеріала, чтобъ хоть сколько нибудь обсудить чрезвычайно сильныя нападки со стороны соціаль-демократіи. Я поэтому могу сказать, что приведена пара случаевъ, гдѣ, во всякомъ случаѣ, необходимо дальнѣйшее разъясненіе со стороны г. имперскаго канцлера въ рейхстагѣ. (Возгласы со стороны соц.-дем.: совсѣмъ

по національ-либеральному. Смѣхъ). Больше я ничего не хочу сказать.“ На этомъ дебаты были закончены.

Такъ окончился первый актъ той борьбы за честь Германіи и за естественное человѣческое право русскихъ изгнанниковъ, которая съ такой рѣшительностью и мужествомъ была начата соціалъ-демократами въ нѣмецкомъ рейхстагѣ и не только была поддержана въ началѣ свободомыслящими и центромъ, но и вызвала въ печати цѣлую бурю негодованія, по адресу прусскаго правительства.

Второй актъ этой борьбы разыгрался уже не въ стѣнахъ рейхстага; съ одной стороны въ ней приняли участіе народныя массы, и сами русскіе такъ жестоко оскорбленные барономъ Рихтгофеномъ студенты, съ другой же германское правительство пожелало скрыться отъ выбранныхъ всеобщимъ голосованіемъ депутатовъ рейхстага и перенесло вопросъ о русскихъ шпіонахъ на разсмотрѣніе свободнаго отъ красной партіи, преданнаго правительству, реакціоннаго ландтага.

Тамъ въ стѣнахъ бюргерско-юнкерской камеры и произошло великое разъясненіе и опроверженіе соціалъ-демократическихъ нападеній.

Къ вопросу о русскихъ шпіонахъ въ прусскомъ ландтагѣ, мы вернемся особо.

Изданіе Ф. Готтгейнера

Берлинъ-Шарлоттенбургъ.

В. А. БИЛЬБАСОВЪ.

Исторія Екатерины второй

Томъ I и II.

„Первое единственное подлинное изданіе сочиненія автора, какъ оно вышло изъ подъ его пера, со включеніемъ выпусковъ, сдѣланныхъ покойнымъ Императоромъ Александромъ III августѣйшею его рукой."

Цѣна 25,— Мар.

ГЕОРГЪ фонъ-ГЕЛЬБИГЪ.

Русскіе избранники

Переводъ и примѣчанія В. А. Бильбасова.

„Георгъ фонъ-Гельбигъ, секретарь Прусской миссіи при дворѣ Екатерины II, даетъ въ этой книгѣ вѣрные портреты всѣхъ фаворитовъ, начиная съ царствованія Петра Великаго до Павла I."

Цѣна 7,50 Мар.

Государственная Уставная Грамота

Россійской Имперіи.

Charte constitutionnelle de l'empire de Russie

publiée d'après l'original des archives de St. Pétersbourg.

Préface de M. Theodor Schiemann, professeur à l'Université de Berlin.

„Проектъ этотъ былъ разработанъ уже въ 1819 году, въ царствованіе Императора Александра I, который намѣревался положить его въ основаніе будущей конституціи русскаго государства. Какъ разсказываетъ проф. Шиманъ въ предисловіи къ настоящему изданію, когда проектъ въ 1831 году появился въ печати, то по приказанію Императора Николая I всѣ экземпляры были скуплены графомъ Витте и сожжены въ Кремлѣ, оригиналъ же пріобщенъ къ Императорскому тайному архиву въ Петербургѣ."

Цѣна 4,20 Мар.

К. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

РАЙ ЗЕМНОЙ

или СОНЪ ВЪ ЗИМНЮЮ НОЧЬ.

Сказка-утопія XXVII вѣка.

„Сильная книга, по глубинѣ и оригинальности замысла превосходящая все, что появлялось до сихъ поръ въ этой области. Авторъ окомъ поэта-ясновидца предвосхищаетъ, куда насъ влекутъ невѣдомыя силы. Д-ръ Ланцъ-Либенфельсъ пишетъ, что „Рай Земной“ лучшая книга, которую онъ когда-либо читалъ въ жизни.“

Цѣна 6,— Мар.

Е. И. ПОПОВЪ.

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ

ЕВДОКИМА НИКИТИЧА ДРОЖЖИНА.

Съ предисловіемъ *Л. Н. Толстого.*

„Отдѣльные листы дневника несчастнаго Дрожжина, который вслѣдствіе отказа отбывать воинскую повинность былъ брошенъ въ тюрьму, а затѣмъ сосланъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ, собраны были Поповымъ и изданы съ предисловіемъ графа Льва Толстого. Трагическая судьба и несчастный конецъ Дрожжина описаны здѣсь мастерски и глубоко трогательно.“

Цѣна 4,— Мар.

Л. МЕХЕЛИНЪ.

Къ вопросу о финляндской автономіи

и основныхъ законахъ.

„Мехелинъ, бывшій сенаторъ и профессоръ Гельсингфорскаго университета, является однимъ изъ выдающихся борцовъ за независимость Финляндіи.“

Цѣна 4,— Мар.

АЗІАТЪ.

Русскіе шпіоны въ Германіи.

Интерпелляція о русскихъ полицейскихъ шпіонахъ въ засѣданіи германскаго рейхстага отъ 19 января 1904 года.

Цѣна 1,20 Мар.

Изданіе Ф. Готтгейнера
Берлинъ-Шарлоттенбургъ.

Россія и Европа

въ историческихъ условіяхъ соціальнаго и политическаго быта.

Мар. 1.25.

Самодержавіе и печать

въ РОССІИ.

Мар. 1.50.

Самодержавіе, бюрократизмъ и земство.

Мар. 1.—.

Двѣ записки

СЕРГѢЯ ШАРАПОВА

о русскихъ финансахъ,

поданныя въ февралѣ 1900 года
новому Государственному Контролеру П. Л. Лобко,
съ приложеніемъ
Письма С. Ѳ. Шарапова къ Т. И. Филиппову
и письма Т. И. Филиппова къ И. Л. Горемыкину.

Мар. 1.50.

13-07
1.50

Изданіе Ф. Готтгейнера
Берлинъ-Шарлоттенбургъ.

Самодержавіе и самоуправленіе.

Изслѣдованіе Сергѣя Шарапова.

Мар. 1.30.

Александръ Краснопольскій.

Какъ русское Дворянство

понимаетъ свои задачи.

(Нѣсколько документовъ.)

Мар. —.80.

Отклики гр. Л. Н. Толстого

на злобу дня въ Россіи.

Мар. —.80.

GEMEINWOHL

UND

ABSOLUTISMUS.

VON

M. von REUSNER,

ehemalig. Professor des Staatsrechts an der Universität Tomsk.

Мар.